

ЯСНОРАДА

Ирина Неупокоева

18+

Ирина Неупокоева

Яснорада

«Автор»

2023

Неупокоева И.

Яснорада / И. Неупокоева — «Автор», 2023

В книге присутствуют сцены курения, употребления алкоголя и эротического характера. Курение и употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Любящее сердце найдет свой путь. Любящая душа согреет своим теплом не только любимого. Смогут ли тяжелые судьбоносные испытания погасить яркий свет одаренной им девушки? И что делать тем, в чьей душе сплошной только мрак?

© Неупокоева И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Яснорада

Глава 1

— Рада, поведай сказку, — раздался слегка охрипший мальчишеский голосок.

— Поздно уже, спите, сорванцы. Батюшка будет ругать, если услышит! — тихо пригрозила девушка.

— Ну, позалуйста! — заскулил младший.

Яснорада улыбнулась и села возле детской постели, на которой уютно устроились двое щуплых братьев. В доме было свежо, поэтому девушка подоткнула углы толстого лоскутного одеяла, чтобы непоседы не замёрзли, и, закутавшись в шаль, спросила:

— И какую сказку вы хотите услышать?

— Стла-с-ную! — просвистел младший, плохо выговаривая шипящие, равно как и рычащие.

— Небылиц страшных я не знаю. Зато могу рассказать настоящую историю, — перешла на шёпот Рада.

Мальчишки, вытаращив глазёнки, одновременно кивнули. Их манили подобные сказки, и они готовы были слушать страшилки хоть каждый день, несмотря на то, что до жути боялись потом спать без свечи.

— Вы же помните, что весь мир разделён на две части? — спросила Яснорада.

— Открытые Земли и Покров Мрака, — ответил старший.

Сестра кивнула.

— Наше государство приютилось у подножия Арданийской горы, которая входит в Юго-Западную гряду. С этой стороны хребта, как вы знаете, все люди сосуществуют мирно: общаются, делятся опытом, торгуют. А за горами раскинулась безжизненная пустошь Ирдаван.

— Там зовут злые коцевники, — перебил младший.

— Верно! — сестра нежно провела пальцем по вздёрнутому носу мальчишки. — Но сегодня не о них я вам собираюсь рассказать. В этот раз я поведаю о настоящих чудовищах! О созданиях Мрака!

Дети невольно прижались друг к другу и замерли.

— Точно не испугаешься, Евсей? А ты, Савка? — поинтересовалась девушка, и братья замотали головами.

— Там, где Ирдаван теряется во мгле, начинаются земли Покрова Мрака. Не найти более гиблого места в мире, так как нет там ничего светлого: ни любви, ни добра, ни сострадания. Населяют те края жуткие существа, — распевно начала историю Яснорада под мерное колышание пламени свечи, отбрасывающей танцующие тени на деревянные стены.

В окно скреблась корявая ветка сливы, растерявшая розоватые лепестки и ошетилившаяся в разные стороны голыми завязями. К концу лета они нальются сладостью и превратятся в ароматные плоды. И рвать их можно будет прямо из окна, стоит только протянуть руку.

— Давным-давно, когда Покров Мрака называли Эребраном, предки тех существ были людьми, такими же, как мы с вами. Но ради власти и бесконечной жизни обратились они к самой Тьме и попросили у неё огромную силу. Таковую, с которой не совладал бы никто из живущих. Она, Тьма, их и наградила. Вот только за дары свои потребовала светлые части душ. Просящие отдали не раздумывая, считая обмен справедливым. И потеряли то, что делало их людьми. С тех пор наполнилась суть эребранцев мглой, а с годами темнота завладела и их государством, погрузив его в вечную ночь. Совсем скоро поняли люди, что нет им жизни без света и тепла, да только поздно стало. Не вернуть того, что отдали по своей воле. Теряли человечность сумрачные, постепенно превращаясь в призраков. Злобные и голодные, рыщут они по

земле и по сей день в поисках светлой искры, которая хоть на мгновение могла бы насытить их каплей тепла.

— И что они делают, когда находят? — нетерпеливо перебил Евсей. — Ну, светлую душу?

Яснорада прищурилась и нарочито загробным голосом продолжила:

— Найдя такого человека, призраки утаскивают его в своё логово и выпивают весь свет, оставляя несчастному пленнику лишь боль и мрак.

— И он тоже становится призраком, как и они? — сжимая в кулачках угол одеяла, спросил брат.

Девушка закрыла глаза и покачала головой.

— Светлая душа не может долго существовать без любви, сострадания и иного сердечного тепла. Искалеченная и опустошённая не по своей воле, она умирает в муках вскоре после того, как её иссушит безжалостное порождение Тьмы.

Младший лежал и не шевелился, а старший поджал губы и сказал:

— Я убью призрака, Рада, если он сунется в наш дом, чтобы украсть тебя! Можешь не бояться! — Жёстко, по-мужски блеснули карие глазёнки Евсея.

— И я! — тихо добавил Савка, поёжившись от собственных слов.

Рада засмеялась.

— Призракам незачем так далеко забираться. Они найдут себе добычу поближе к Покрову Мрака. Мало там, что ли, душ?

— Отец говорит, твоя — особенная. Он сказал, что ты одарённая, как мамыны братья.

— Так! — протянула Рада и с укором посмотрела на мальчишек. — Это кто у нас тут подслушивать научился?

— Мы слусьяно! — прошепелявил Савка.

— Вы никому не говорили?

Дети испуганно затрясли головами.

— Это большая тайна, — тихо продолжила сестра. — Иначе меня увезут далёко-далёко, как ваших дядек, и мы никогда не увидимся. Поэтому — молчок!

Мальчишки кивнули, а младший зажмурился, ожидая, что комната вот-вот погрузится в темноту, когда Яснорада склонилась, чтобы задуть свечу.

— Лада, не тусы сегодня свет. Позалуйста! — попросил четырёхлетний Савка.

Рада виновато улыбнулась, подумав, что нужно прекращать рассказывать страшилки. Так ведь просят же! Пожелав братьям добрых снов, она вышла в коридор.

Плотно закрыв за собой дверь, девушка юркнула в соседнюю комнату. Расчесав длинные кудрявые волосы, огненной волной струившиеся вдоль хрупкой фигуры, она сняла тёплый халат и улеглась в постель с книгой в руках, чтобы почитать перед сном. Вот только смысл прочитанного не желал усваиваться.

«Её дар сильнее, чем оба наших, вместе взятые!» — всплыло в сознании воспоминание минувших лет. Тогда, в детстве, шестилетнюю Радку эти слова напугали до полусмерти. И ведь было с чего! Отец, услышав заявление шурина, побледнел, а матушка схватилась за сердце.

Согласно закону Открытых Земель, каждого, у кого обнаруживался свет, по достижении семнадцати вёсен отправляли в одну из академий Имталиона. Там одарённые должны были научиться использовать свои способности на благо народа. По прошествии пяти зим они возвращались в поселения, чтобы стать главами, судьями, лекарями и занять иные почётные должности. Но выпускников, чья сила хоть немного превосходила силу остальных, забирали на войну с Ирдаваном, которая длилась уже долгие годы.

Светом наделялись обычно только мальчишки, да и то один из десяти. Об обладающих внутренней силой девочках не было слышно. Яснорада стала исключением, и это более всего пугало родственников.

«Ох, не к добру, не к добру это всё!» — причитала матушка, боясь, что кровиночку заберут из отчего дома. Батюшка успокоил супругу и приказал всем молчать. Родные таили правду, а дядюшки научили Раду скрывать силу своего дара и наказали ни в коем случае не использовать его. Авось тайна не раскроется.

Яснорада и не применяла. Лишь изредка. То сломанную ветку срastит, то весенних замерзающих зайчат тёплым куполом накроет. Так никто, кроме родных, о её силе не знал.

В окно заглядывал народившийся месяц, а возле его верхнего рожка мерцала яркая серебристая звёздочка. Рада погасила свечу и, отложив книгу в сторону, предалась приятным мыслям, глядя в чернильное небо. Душа девушки трепетала, заставляя сердце пускаться в галоп, а дыхание — замирать, будто она готовилась прыгнуть в реку с высокого обрыва. Яснораде нравилось это острое чувство предвкушения. Уже несколько дней оно не покидало её, мешая улавливать смысл строк в любимых книгах.

Иногда девушка удерживала себя от внезапной радости, причина которой была ясна лишь ей. Вот и сейчас, лёжа на белой мягкой подушке, она улыбалась, рассматривая подмигивающие за стеклом звёзды, и думала о том, что скоро увидит того, кого ждала целых полгода.

Глава 2

Лес пробудился от зимнего, сковывающего сна. И хотя дубы стояли совсем ещё голые, Яснорада знала, что соки под корой уже тронулись и начали свой танец жизни. Скоро их клейкие почки полопаются, выпуская рвущиеся к свету листочки, а позже появятся невзрачные зеленоватые цветы, наполняя округу густым, терпким ароматом. Пчёлы уже трудились вовсю, деловито перелетая между первоцветами и оглашая лес вибрирующим гулом.

Девушка остановилась и, закрыв глаза, глубоко втянула ароматный сырой воздух и прислушалась к дыханию весны. Ей хотелось впитать всё, что она чувствовала, и наполнить этим свою душу.

— Рада, ты чего застыла? Проськин Захарка сказал, что наши приехали! Они наняли извозчика. Наверное, уже добрались до деревни! — возбуждённо прокричала Ольга, дочь мастерицы, поравнявшись с ней.

Яснорада округлила глаза, не веря услышанному, обрадовалась долгожданной вести и припустила по утоптанной тропинке так, что Ольга не смогла её догнать, а позже и докричаться до подруги.

Домой Рада влетела ветром. Рыжая коса растрепалась, платок болтался тряпкой, ленты свисали цветными верёвками.

— Клим! — закричала она и бросилась в объятия старшего брата, вышедшего ей навстречу.

Парень покружил сестру на месте, рассмеялся, расцеловал пылающие после бега щёки.

— Окреп и возмужал! Как же я скучала! А с ним всё в порядке? Он дома? — нетерпеливо спросила Рада.

— Да, Тит заходил, но дожидаться тебя не стал. Дорога утомила, — пояснил брат, а девушка тут же начала причёсываться и торопливо переплетать косу.

— Рада, никуда не собирайся. Поможешь мне. Вечером приедет Проф с семьёй. Нужно наготовить да дом прибрать к их прибытию, — выглянув из кухни, строго велела матушка.

— Я всё успею! — прокричала Рада, выскакивая за дверь.

Спустя мгновение от девушки и след простыл. Мама, поджав губы, лишь покачала головой.

Не в силах сдержать улыбку, Яснорада летела по улице к большому дому главы деревни. Обойдя строение кругом, бросила в окно на втором этаже пару мелких камешков, а после того как убедилась, что её услышали, не спеша пошла вглубь ухоженного сада, в самом углу которого стояла круглая беседка, увитая плетями вьющихся роз и дикого винограда. Листья только начали проклёвываться из тугих почек, поэтому ветви не могли скрыть девушку от глаз молодого человека, а его самого — от Рады.

Сердце её колотилось как сумасшедшее, а щёки пылали жаром нетерпения.

— Тит! — выдохнула она, когда в беседку вошёл улыбающийся блондин.

Рада пробежала взглядом по возмужавшему лицу, светлым коротким волосам, открытой улыбке и ясным голубым глазам, по груди и плечам, раздавшимся за время разлуки. Домашняя одежда не скрывала рельефа мышц молодого красавца, их мощь не ускользнула от девичьего внимания. Увиденное впечатлило Яснораду так, что горло пересохло и она с трудом сглотнула.

Тит рассмеялся, заметив её реакцию на его появление, и, взяв девичью ладонь в свои сильные руки, медленно поцеловал пальцы, глядя в зелёные глаза. Большого он себе не позволил. А Рада вспыхнула маковым цветом от смущения.

— Как же я соскучился, Лисица! — промурчал он, широко улыбаясь.

— На нас смотрят? — догадалась девушка.

Парень с ухмылкой кивнул.

— Тогда увидимся сегодня на гуляниях. Я обязательно приду, Тит, — пообещала она.

Резко развернувшись, Рада почти бегом покинула сад и отправилась домой помогать матушке. Лично убедившись в том, что возлюбленный вернулся здоровым и рад её видеть, она успокоилась. Теперь вечера можно было ждать без тревоги.

Восемь лет назад, катаясь по замёрзшему озеру на коньках, Яснорада случайно провалилась под лёд. Всё произошло так быстро, что она понять ничего не успела. Помнила только обжигающий пронзительный холод тысячи игл, вонзившихся в её тело, и острое жжение в груди от нехватки кислорода перед тем, как сознание заполонила пустота.

Очнулась девчонка в объятиях Тита, спасшего её из ледяного плена.

Сын главы и в пятнадцать лет приковывал девичьи взгляды своей яркой внешностью. Был красив и умён, да и в удали молодецкой давал фору многим сверстникам. К тому же ни для кого не было секретом, что в скором времени парень займёт место своего отца, став самым влиятельным человеком в поселении. Каждая девушка в деревне тайком или открыто мечтала стать наречённой Тита.

Вот и Яснорада не оказалась исключением. Не устояла перед его очарованием сразу же, как открыла глаза, лёжа на льду.

Тит в тот день замотал её в свою овечью дублёнку, надел сухую шапку на мокрую девчонку и отнёс домой.

У рыжеволосой курносой десятилетней Рады не было ни единого шанса не полюбить своего спасителя. С того дня она ходила за парнем хвостиком, делая вид, что встречи случайны.

Всякий раз, когда Тит являлся в гости к её брату Климу, она ощущала бурю чувств. Девочка млела, краснела и всячески хотела ему понравиться. Иногда ей удавалось увязаться за мальчишками и поучаствовать в их забавах.

Сын главы относился к Яснораде как к младшей сестре, что её устраивало, ведь она была совсем ещё ребёнком и не знала, что любовь бывает иной.

Когда Клим и Тит отметили семнадцать вёсен, их отправили учиться в академию — далеко, на самый край Имталиона. Поэтому они приезжали домой только раз в полгода: зимой на две недели, а летом на месяц.

Поначалу Рада скучала по брату и его другу, а со временем привыкала к их отсутствию. Но трепет души всегда возобновлялся с возвращением в деревню того, по кому тосковало сердце.

Когда девушке исполнилось четырнадцать, она случайно подслушала разговор Клима с приятелями. Яснорада собиралась уйти, да так и застыла, едва услышав имя Тита: друзья обсуждали его похождения.

Оказалось, что сын главы соблазнил нескольких девиц из городка, в котором стояла академия для одарённых, а позже парню пришлось иметь неприятный разговор с отцом одной из них. Оскорблённый родитель требовал, чтобы Тит во избежание позора объявил испорченную им девушку своей наречённой. Но парень отказался, сославшись на требования своей семьи, которые сводились к тому, что избранница непременно должна быть непорочна до первой брачной ночи. И неважно, что именно он лишил её невинности.

В тот день Рада ощутила горечь разочарования. Светлый образ из детства померк. Стало обидно за ту девушку, ведь не секрет, как нелегко придётся теперь опороченной. Мало кто возьмёт такую под венец, а уж об удачном замужестве ей можно и вовсе забыть.

Но и понять, зачем та девушка ложилась в постель до замужества, зная строгие традиции и устои Открытых Земель, Лисица не могла.

К шестнадцати годам Яснорада охладела к Титу. Молодой человек стал реже бывать в родном поселении, так как бурный образ жизни, который он вёл вдали от дома, плохо сказывался

вался на его успеваемости. Ему приходилось оставаться в Имталионе для пересдачи экзаменов. Поэтому вышло так, что видела Яснорада сына главы мельком и всего пару раз за полтора года.

В то лето они столкнулись на Ярмарке. Он, как прежде красивый и статный, посмотрел на Раду другими глазами. Не снисходительным братским взглядом на девчонку-подростка: нескладную, плоскую, со смешным вздёрнутым пуговкой носом и лицом, которое покрывалось летом россыпью рыжих веснушек. В этот раз Тит увидел пред собою стройную и притягательную девушку.

Рада повзрослела, её фигура приобрела женственные очертания, сохранив при этом тонкую талию и узкие плечи. Их Титу захотелось приобнять, чтобы ощутить свою мужественность в сравнении с девичьей утончённой миниатюрностью.

Сын главы рассмотрел и необыкновенные глаза Яснорады, цвет которых напомнил ему зелёный крыжовник, такой любимый в детстве. Когда парень ел эти ягоды, то иногда рассматривал их на просвет, стараясь пересчитать семечки внутри сочной мякоти. Цвет девичьих глаз казался ему именно таким — светло-зелёным, чистым и искрящимся.

Но ещё больше парня впечатлили её сочные губы соблазнительного кораллового оттенка. К ним хотелось прикоснуться устами, потрогать пальцами, ощутить вкус. Глядя на них, он вспомнил налившуюся соком малину.

Как назло, в тот день девушка пришла в город в компании сверстниц, которые, увидев первого красавца, никак не хотели упускать случая пообщаться с сыном главы. Они заигрывали и всячески привлекали внимание завидного жениха. Но Тит думал только о сочности коралловых губ Рады.

Он пропускал мимо ушей шуточки девушек и не слышал их вопросов. Смотрел только на сестру друга и хотел увести её от стаи шумных, щебечущих, словно воробьи, девчат.

Вот только Рада не торопилась остаться с ним наедине, чем вызвала у юноши непонимание. Тит находился в растерянности оттого, что всегда ищущая встречи с ним Яснорада не проявляла практически никакого ответного интереса. Она вела себя отстранённо: увлечённо выбирала новые ленты для рыжих кос, надолго задержалась в книжной лавке, купила глиняные свистульки и сахарные леденцы на палочке для младших братьев, остановилась посмотреть, как задорно кривлялся ярмарочный шут, и бросила монетку в его грязную, измятую шапку. Это девичье безразличие так сильно завело сына главы, что ему показалось: он никогда ранее подобного не испытывал.

А ведь так и было! Женское внимание лилось на него бездонными реками с самых юных лет. Поэтому теперь Тит совершенно не знал, как себя вести. Глупо шутил, потом хмурился оттого, что Яснорада пропускала его остроты мимо ушей. Когда она задавала какой-то вопрос по истории, которую студент глубоко изучал в академии, парень не смог ответить на него, так как совершенно не слышал самого вопроса. В тот момент, когда Рада задавала его, Тит смотрел на её губы, которые маняще приоткрывались.

Другие девушки, заметив это, хихикали, а он снова хмурился, понимая, как нелепо выглядел со стороны.

Уйти от стайки подруг сын главы так и не смог. Увязался с ними до деревни. Хохотушки только обрадовались этому. Смеялись и стреляли глазами, поправляли волосы и флиртовали. Всех подруг захлестнула волна азарта. Каждая хотела переключить внимание Тита на себя. Все, кроме Рады, которая витала в своих мыслях и почти не замечала ни девчат, ни юношу. Её больше интересовали цветы, источающие сладковатый аромат, невзрачные птички с жёлтыми хвостами, которые приземлялись перед идущей шумной компанией и бежали, быстро мельтеша тонкими ножками, а также лесные травы, бережно собранные Яснорадой в пышный букет.

Когда дорожка разделилась надвое и увела смеющихся девушек направо, Тит пошёл за Яснорадой, сказав, что ему нужно к Климу.

Шли в молчании, но недолго. Как только голоса подруг затихли вдаль, сын главы остановил удивлённую спутницу. Он схватил её за руку, притянул к себе и поцеловал в губы. Коротко — лишь ощутил их мягкость, толком не уловив вкуса, но вдохнув дурманящий аромат.

Рада опешила, совершенно не ожидая этого поцелуя. Похоже, что и за весь день она не заметила интереса Тита. Растерявшись, красавица ничего лучше не придумала, как подхватить подол юбки и припуститься по тропинке домой. Сын главы не стал догонять, лишь улыбнулся и облизал губы, которые ещё хранили запах рыжей девчонки. Теперь Тит горел желанием ощутить ещё и вкус.

После того поцелуя девушка избегала друга брата, пока он не подкараулил её возле старого амбара. Парень тогда поведал ей о своих чувствах, о том, что влюбился и потерял покой. Однако Рада не поверила ему и рассказала о том, что знала про его академические «подвиги». Посоветовала не тратить на неё время, так как готова была отдать своё сердце и цветок невинности лишь суженому.

Тит не нашёл нужных слов ни в тот день, ни в последующие. А осенью покинул деревню вместе с другими юношами, обучающимися в Имталионе.

Через полгода батюшка позвал Раду спуститься в гостиную, где она увидела своего спасителя, до белых костяшек сжимающего в руках шапку. Парень выглядел взволнованным и напряжённым, но при этом уверенным.

Отец пояснил дочери, что юноша пришёл просить её руки, и поинтересовался мнением Яснорады на сей счёт. А она не смогла ничего ответить, застыв в изумлении.

Батюшку устраивал такой кандидат в зятя. Даже более чем. Но, видя растерянность любимой девочки, он высказал своё решение: «Свадьбе быть, если оба не против, но только тогда, когда Тит закончит обучение, а Яснораде исполнится восемнадцать». Отец намеренно обозначил этот срок, дав тем самым дочери время, чтобы она могла хорошенько обдумать предложение.

С того дня все в деревне знали, что Раду засватал сын главы.

Её любовь быстро вернулась, тем более что парень взялся за ум и до самого конца обучения оставался примерным студентом. Приезжая в отпуск, он проводил каждую свободную минуту рядом с возлюбленной. Даже когда матушка нагружала девушку хозяйственными делами, сын главы, не желая расставаться с Яснорадой, принимался помогать, засучив рукава.

На людях Тит позволял себе целовать только её ладонь, а Рада — брать парня за руку. Более смелые проявления чувств, включая поцелуи в щеку или объятия, считались распутством и ставили под сомнение репутацию девушки. Поэтому влюблённые воздерживались от подобного и ждали с нетерпением того времени, когда все прелести супружеской жизни станут им доступны.

Глава 3

Вечер опустился на деревню прохладный. Весна выдалась хоть и ранней, но тепло дневное всегда обманчиво в это время года. Ночью от земли всё ещё веяло стылой влагой, а в спальню приходилось приносить прогретые булжники, чтобы не мёрзнуть во сне.

Яснорада надела любимое шерстяное платье, а поверх него — расшитую зелёной нитью овчинную жилетку. Косы перевязала новыми лентами, купленными недавно в городе. Посмотрев в зеркало, она улыбнулась и показала отражению язык. Рыжая курносая девушка с золотистой кожей и пока ещё редкой россыпью неярких веснушек сверкнула в ответ задорными светлозелёными глазами, полными горячего нетерпения. Она покидала дом в предвкушении долгожданной встречи.

Каждый год в деревне устраивались гулянья, посвящённые возвращению парней из Имталиона. Но в этот раз праздник оказался куда пышнее прочих. Глава поселения не поскупился на угощения и музыкантов, выделив средства из личных сбережений. Отец гордился сыном, который в скором времени собирался обзавестись семьёй и занять почётное место на службе.

В центре деревни полыхали костры, озаряя округу ярким светом. Повсюду разливались ароматы хмеля и запечённого на углях мяса. На площадке стояли накрытые красными скатертями столы, сплошь заставленные яствами. Были там и пироги, и крендели, и дюжина видов закусок, а также всевозможные соленья.

На праздник собралась вся деревня — от мала до велика. Пожилые общались и наблюдали за танцующей молодёжью. Дети бегали друг за другом, играя в догонялки или прятки. Многие подходили к столам, чтобы отведать угощения и испить медовой. Всё вокруг наполнялось шумом, смехом, музыкой и весёлыми возгласами.

Яснорада не пошла к столу и отправилась напрямиком в танцующую толпу, чтобы найти любимого.

— Рада, идём в круг! — прозвенели девичьи голоса. Подруги подхватили Лисицу под локотки.

Рыжеволосая засмеялась, пускаясь в пляс, но продолжала оглядываться в поисках Тита.

— Он ещё не пришёл, — подмигнула девушке догадливая Иринка, которая оказалась напротив Рады, держа её за руки в хороводе.

Яснорада кивнула и погрузилась в танец. Наречённый обязательно найдёт её сам, когда придёт.

Задорная музыка и совершенно волшебная обстановка ночного праздника окутали девушку с головой. Она чувствовала сгущающуюся терпкость весенней ночи, щедро сдобренную ароматом горящих поленьев.

Когда парни и девчата немного захмелели, танцы приобрели еле уловимый чувственный оттенок — намёк на порочность. Хотя и не было в них ничего по-настоящему греховного, но простое касание ладоней, взгляд глаза в глаза и мужская рука, уверенно лежащая на девичьей талии, приобретали теперь иной смысл. Рада, ощутив перемену настроения, решила покинуть круг. Тот, с кем ей хотелось продолжить танец, так и не явился.

Девушка отошла в сторонку, налила себе в чашу ягодного морса и, осмотревшись, загрустила. Тита всё ещё не было.

— Я соскучился! — раздался знакомый шёпот. Сын главы стоял прямо за её спиной и легонько потянул её за косу.

Сердце Рады пропустило удар, и она отступила на шаг, прячась в тени раскидистого старого дуба и падая в объятия любимого. Парень шумно втянул воздух возле её виска и положил руки на тонкую талию, теснее привлекая к себе.

— Прекрати, нас могут увидеть! — воскликнула она, разворачиваясь, и почти уткнулась носом в его широкую грудь. — Пойдём лучше потанцуем!

Он покачал головой и с насмешливой улыбкой ответил:

— Я не сдержусь и обязательно положу руки туда, куда не следует. А потом прильну к твоим губам и поцелую так, как никому и не снилось.

— Ты пьян, Тит? — промурлыкала очарованная откровением Рада.

— Да, — согласился юноша. — Но не от вина, а от твоих безудержных танцев.

— И долго ты тут стоишь и смотришь? — Девушка насупилась.

— С самого начала. А сейчас предлагаю уйти отсюда, пока нас действительно никто не увидел. — Хитро улыбнувшись, красавец потянул Раду в сторону сгущающейся темноты.

Она жутко смущалась и оглядывалась, боясь, что их заметят уходящими вдвоём. Рада не хотела ненужных разговоров, не желая расстраивать родителей. Её возлюбленного, напротив, не беспокоило ничего. Он смотрел только на девушку, не сводя с неё голодного взгляда.

Пара прошла вдоль деревянной ограды, затем юркнула в тенистый сад мудрого Фрола. Старик был немощным, поэтому запустил хозяйство. Дети часто использовали заросли в качестве укрытия днём, а влюблённые парочки — ночью. Но Тит вёл девушку не туда.

Выйдя с противоположной стороны участка, они очутились в тёмном переулке, а перебравшись через забор — в ухоженном саду главы поселения. Обойдя дом по периметру и пригибаясь у освещённых окон, молодые люди приблизились к лестнице, ведущей на чердак. Парень помог Раде добраться до верха, а там проводил её к тайному укрытию.

В глубине тёмного просторного помещения Тит достал спички и поджёг фитиль масляной лампы. Разгоревшееся пламя выхватило из темноты небольшой участок, осветив подвешенный к толстым деревянным столбам широкий плетёный гамак, рядом с которым громоздилось несколько стопок книг.

— Это с детства моё любимое место в доме, — пояснил молодой человек, помогая девушке сесть.

Она осмотрелась. Чердак показался ей уютным. В нём пахло старой соломой и пылью. А в углу трудился небольшой паук, выплетая себе безупречную паутину.

— Только лучше не топтаться, иначе нас могут услышать, — предупредил наречённый.

Рада понимающе кивнула. В тусклом свете лампы голубые глаза Тита показались девушке необычно тёмными. Или, быть может, зрачки парня так расширились, что почти скрыли светлую радужку.

Опустившись на колени, влюблённый посмотрел Раде в глаза. Девушка почувствовала всю интимность происходящего и поняла, что сейчас молодой человек будет признаваться ей в своих чувствах. Сердце заколотилось безудержно, дыхание, напротив, замерло в ожидании. Ноги внезапно налились сковывающей тяжестью, а в голове всё смешалось.

— Я хочу подарить тебе это. — В крупной мужской ладони лежало золотое колечко с невероятным искрящимся зелёным хризолитом. Парень ловко надел перстень Раде на палец, а после спросил:

— Если вдруг ты сомневаешься в моей любви или в своей. Только скажи, и мы всё оставим как есть. Но коли ты уверена в наших чувствах, то ответь сейчас, согласна ли стать в скором времени моей женой?

Рада ничего не сказала, лишь кивнула. Спустя мгновение она обвила шею возлюбленного руками и поцеловала — сначала в глаза, потом в щёки и, наконец, в губы. Без преувеличения, это был самый счастливый день в её жизни.

Тит навис над Яснорадой, и поцелуй из нежного распламенел до страстного. А девушка таяла от поглаживаний сильных рук, которые становились всё более уверенными. Ладони скользили сначала по талии вверх-вниз, затем осмелели, и вот уже грудь была обласкана уме-

лыми движениями. Рада откинула голову от наслаждения и тут же ощутила на себе тяжесть мужского тела, накрывшего её.

— Тит, мы должны остановиться, — шептала Лисица в коротких перерывах между ласками.

Возбуждённый юноша, не желая слушать, снова заглушал её слова поцелуями. Сознание обоих затуманилось, но, собрав остатки воли, девушка отстранилась от желанных губ и снова обратилась к возлюбленному:

— Мы должны остановиться сейчас, иначе потом уже не сможем.

— Я не могу больше терпеть, Рада. Каждый день думал о тебе, пока находился вдали. А теперь, когда ты в моих руках, я не могу остановиться, — сдавленно произнёс Тит. — Ты же хочешь этого тоже. Какая теперь разница, когда ты станешь моей? Сейчас или месяцем позже. Зачем терпеть, если всё уже решено?

— Я хотела, чтобы всё было как у всех. Как положено, — смущённо пояснила Яснорада.

Молодой человек ухмыльнулся:

— Ты такая наивная, Лисица. У всех происходит не так, как положено. Просто никто об этом не рассказывает.

Он потянул завязки на воротничке зелёного платья, и они тут же поддались. Девушка ахнула и перехватила ткань возле шеи, но Тит убрал тонкую руку и, наклонившись к разряженному лицу, прошептал:

— Ты же хочешь этого, Рада. Скажи, что тоже хочешь меня!

Конечно, она хотела! Разрывалась между желанием отдаться любимому полностью и пониманием того, что они совершают непоправимое. Но разве могла Рада не доверять тому, с кем согласилась прожить всю свою жизнь?

— Хочу! — выдохнула девушка, будто сдалась.

Возможно, так оно и было. Яснорада сдалась во власть переполняющих её чувств. Она не помнила, как оказалась без белья. Ощутила что-то твёрдое и горячее, коснувшееся бёдер, а затем — неприятное тянущее чувство, переросшее в болезненное натяжение. Спустя мгновение боль ушла, подарив девушке будоражащее наполнение внизу живота.

Наверное, процесс не показался бы Раде настолько приятным, не будь она так возбуждена. Но Тит к двадцати двум годам стал весьма умелым любовником и знал, что спешить нельзя, чтобы не причинить хрупкой девушке излишнюю боль, хотя сдерживаться ему оказалось невероятно сложно, особенно когда он понял степень желания наречённой.

Тит чувствовал, как возлюбленная пылала под ним — такая долгожданная! Юноша достиг пика слишком быстро, что и неудивительно: ведь он так долго терпел и страстно желал. Мечтал о близости с Радой ночами. Истязал себя физическими нагрузками в академии, чтобы уставшее тело не реагировало на любое воспоминание о ней. Часто не сдерживался и удовлетворял желания, представляя, как целует сочные губы и сжимает миниатюрные ягодички наречённой. И Тит не осуждал свои порывы. Разве мог он продержаться так долго?

Поэтому быстрая разрядка его не расстроила. У них с Радой впереди было много времени, чтобы насладиться друг другом.

Опустившись на неё, он не мог отдышаться, а девушка затихла.

— Тебе было не слишком больно? — участливо спросил наречённый.

— Мне было слишком хорошо, чтобы заметить боль, — глядя в потолок, ответила Яснорада.

Юноша притянул её и поцеловал.

— Но я чувствую тревогу, будто мы совершили непоправимое, — тихо поделилась девушка.

А Тит повернулся на бок и прижал её к себе пуще прежнего.

— Так и есть. Мы полюбили друг друга, и это непоправимо, Рада! — ответил жених, а она, глянув на него, засмеялась тихо, отгоняя от себя дурные мысли и воспоминания о той опороченной Титом девушке.

С Яснорадой он никогда так не поступил бы, потому что любил!

— Тсс — прошептал юноша, неожиданно прислушиваясь. — На улице кто-то ходит.

Рада начала подниматься, чтобы одеться и привести вещи в порядок. Но гамак не выдержал, и одно из его креплений лопнуло, из-за чего пара с глухим ударом рухнула на пол.

— Тит, одевайся скорее! Кто-то поднимается! — шептала девушка, завязывая трясущиеся руками шнурки на платье.

— Иди сюда, я спрячу нас под пологом сокрытия, — позвал он.

Рада так и сделала. Прижавшись к любимому, смотрела на его сосредоточенное лицо и понимала, что Титу не хватало силы. У него не получалась иллюзия.

Времени совсем не осталось. Вот-вот распахнётся дверь, и станет понятно, чем они занимались. Бедные её матушка и батюшка! На какой позор она их чуть не обрела!

В панике Яснорада закрыла глаза и представила, как выглядело помещение, когда они с Титом только в него вошли. В тот же миг дверца на чердак отворилась, явив рассерженное лицо главы поселения. Судя по внешнему виду, он собирался отойти ко сну, но непонятные звуки заставили его покинуть тёплое жилище и пойти выяснить их причину. Отец наречённого отчётливо слышал шёпот и грохот, но, отворив дверь, никого не увидел.

В полумраке висел гамак, книги стопками лежали на пыльном полу, и потухшая масляная лампа стояла на привычном месте. Окинув взглядом все углы, глава закрыл дверь и, спустившись по лестнице, отправился в дом, где его ждала рюмка травяной успокоительной настойки, приготовленной его женой по рецепту бабушки.

Спустя пару минут Рада выдохнула и сняла иллюзию-полог, а Тит тихо рассмеялся, завязывая шнурки на штанах.

Добравшись до её дома, влюблённые договорились о завтрашней вечерней прогулке и сдержанно распрощались. Тит поцеловал тонкую ладошку, заметив, что за ними кто-то наблюдает из окна, и ушёл.

Яснорада мышкой юркнула в свою комнату, не желая показываться родителям на глаза. Ей чудилось, что, увидев её, они сразу обо всём догадаются. Матушка будет причитать, а батюшка — бледнеть и молчать, после чего обязательно примет какое-нибудь решение.

Полночи Рада не могла уснуть, вспоминая о прошедшем. То блаженно улыбалась, то замирала в тревоге. И почему в груди шевелилось неприятное сомнение? Разве не должна была Яснорада трепетать от счастья? Или это захватывающее чувство — и есть оно?

Наверное. А сомневаться — это нормально. Возможно, эти мысли и после женитьбы не сразу уйдут. Ведь Рада и сейчас не до конца верила, что спаситель, которого она любила с десяти лет, теперь тоже искренне полюбил её.

«Тит прав, не о чем переживать, всё уже решено. Мы любим друг друга и скоро поженемся. Он никогда меня не предаст», — успокаивала себя девушка, и под утро ей это удалось. Наконец Лисица заснула под птичьи трели и стрекот сверчков, доносившиеся с улицы.

Глава 4

Утро выдалось тёплым, а к полудню и вовсе стало припекать. На старой яблоне безудержно заливалась мелкая серо-жёлтая пичуга. Раде нравилась её весенняя песня. Лисица с детства по-особому ощущала жизнь вокруг. То ли из-за дара, то ли просто от любви к природе.

Вот сейчас, например, она наблюдала за бегущим по краю корыта оранжевым жуком. «И что его сюда занесло? Ведь сорвётся и упадёт в мыльную воду, глупый!» — подумала Яснорада. Вытерла мокрые руки о передник и подставила тонкий палец, на который шустро перебрался шестиногий жук.

— Пожалуйста, живи! — обратилась Лисица к спасённому, когда пересадила его на шершавую кору дерева. Посмотрела вслед убегающему, а когда он скрылся, продолжила прерванное дело.

Закончив со стиркой, Рада вернулась в пустой дом. Родители с младшими братьями отправились в лес за свежим берёзовым соком. Клим, как всегда, где-то пропал. Недавно она узнала, что брату приглянулась Марьяна. Та, что жила в голубом доме возле Ивового озера. Поговаривали, что чувство оказалось взаимным.

Дел на сегодня не осталось, поэтому, освежившись, Яснорада налила травяного взвара и удобно устроилась в кресле. Вечера она ждала с нетерпением. Девушка поглядывала на золотое колечко и улыбалась. Ей казалось, что не было человека счастливее во всех Открытых Землях.

Могла ли она представить тогда, в детстве, что станет наречённой самого завидного жениха в поселении? Думала ли, что полюбит кого-то так сильно и будет любима в ответ? Об этом Рада только грезила. А теперь её мечты сбывались, словно были пророческими.

Стук в дверь отвлёк Яснораду от приятной неги. На крыльце она увидела соседского мальчишку с обгоревшей палкой в руках и сажевой кляксой под носом.

— Рада, Тит просил передать, что его забирают на границу с Ирдаваном. Он в городке со служилыми. Будут стоять там недолго, пока не соберут других призывников, а потом отбудут из Ардана, — огорошил с порога Прошка.

Не возвращаясь в комнату, Лисица обулась и, забыв накинуть безрукавку, побежала в конюшню. Оседлав батюшкиного скакуна, она полетела в город.

Потрясение — вот что чувствовала Яснорада, погоняя несущегося во весь опор Торра. Она надеялась, что услышанное — ошибка. Прохор просто что-то напутал! Тита не могли забрать. Его дар слишком мал для военной службы. К тому же больше некому занять место его отца. Глава поселения уже стар и не скрывал, что желает поскорее переложить обязанности на молодого и сильного сына.

Ветер свистел в ушах, а взгляд уже не различал проносящихся мимо деревьев. Всё слилось в единую ярко-зелёную реку. Душа Рады замерла в напряжённом ожидании. Это не могло быть правдой! Это ошибка!

Привязав похрипывающего скакуна, Яснорада ринулась на центральную площадь, где толпился народ.

Увиденное ей сразу не понравилось. От людей исходила трагическая тяжесть, будто они отправляли близких не на границу с другим государством, а в последний путь. Несколько женщин, не скрываясь, рыдали. Мужчины стояли с потухшими глазами, обращёнными вглубь себя. Кто-то тихо переговаривался, обсуждая новость.

— Клим! — позвала Рада брата, мелькнувшего в толпе. — Клим!

Он повернулся, и она поняла по его взгляду, что надежда её не оправдалась. Тита забрали, и это никакая не ошибка.

— Прости, Лисица! Я хотел пойти вместо него, но меня не взяли, — затараторил Клим. — Не плачь, он вернётся. Сильнее Тита я никого не знаю. Пройдёт год, и вы сыграете свадьбу.

Да, по закону Открытых Земель одарённых призывали всего на год, а по истечении срока любой мог вернуться домой. И, возможно, вся история со службой не была бы так трагична, если бы не одно «но». Никто не возвращался оттуда. Как и братья матушки. Люди поговаривали, что случаи такие всё же бывали, но доказательств тому не имелось. Лишь слухи.

— Где он? — не своим голосом спросила Рада.

— Он и ещё двадцать человек, не считая воинов, отправились в Гиблое ущелье. Один служивый рассказал, что к утру группа будет у последней засечной черты. Неделя уйдёт на преодоление гор, если с погодой повезёт, а после их встретят со стороны Ирдавана свои. Кочевников отбросили далеко от наших границ, — коротко пояснил брат. — Тита не отправят в пекло. Скорее всего, мужчин со слабым даром призвали для охраны отвоёванных территорий. Он вернётся через год, вот увидишь, Рада! В этот раз всё по-другому.

Яснорада ничего не ответила. Молча она направилась домой. Родители всё ещё не вернулись, поэтому, переодевшись в кожаные штаны, тёплую шерстяную рубаху и надев удобные ботинки, Лисица собрала заплечный мешок и вышла из дома. Перед уходом она оставила записку. В ней пояснила, что отправилась проводить Тита до ущелья. Рада знала, что матушка будет причитать, а батюшка — ругать, но уйти без объяснения не могла, как и остаться дома.

Лес встретил Раду любовно. В глубине настукивал дятел, добираясь до мясистой белёсой личинки. Самцы всех птиц зазывно пели, хорохорясь и расправляя пёрышки, чтобы во всей красе предстать перед самочками. Всюду носились пчёлы и тяжело гружённые пылью шмели. Травы и кустарники ещё не набрали силу, а только начинали пробиваться сквозь мягкую лесную подстилку, поэтому идти Лисице оказалось легко. Она обязательно задержалась бы здесь на какое-то время, чтобы постоять, посмотреть, подышать и послушать лес, но торопливо пошла вперёд.

В детстве с братьями и Титом Яснорада иногда сбегала к ущелью, несмотря на то, что взрослые не пускали туда детей: слишком дальний путь для пешей прогулки. Но особых опасностей он не таил, разве что хищника можно было встретить. Однако сейчас звери Раду не пугали. Умела она с ними договариваться. Вот и топала Лисица без страха, думая о наречённом. Она знала, что этим путём доберётся до входа в ущелье быстрее, чем отряд новобранцев. Но лучше было всё же поторопиться, чтобы наверняка успеть.

Пару раз Яснорада останавливалась у родников, чтобы отдохнуть. Перекусывала вяленным мясом и, набравшись сил, отправлялась дальше. Шла и думала только об одном: как она продержится ещё целый год без любимого? А что, если он, как и другие, не вернётся? Последнее гнала из головы с особым усердием. Он вернётся. Иначе быть просто не могло!

Ближе к вечеру она добралась до нужного места. Вход в ущелье преграждал высокий бревенчатый частокол, посреди которого располагались крепкие, усиленные металлическими пластинами ворота. По обе стороны от них возвышались каменные башни. Каждая высотой в три этажа, не меньше. В окна-бойницы поглядывали воины.

Этот пост враги никогда не атаковали. Слишком непроходим был путь между скалами для кочевников, любящих простор равнины. Да к тому же вглубь ущелья на много вёрст растянулись заградительные черты, через которые чужаку было практически невозможно пройти невредимым. Поэтому воины на этом посту выглядели расслабленными.

Рада подумала, что, возможно, Тита направят в подобный пункт, с его-то уровнем дара. Такая мысль грела её тревожную душу. Вот бы в этом форпосте требовались одарённые! Она смогла бы приходить к любимому почти каждый день.

Яснорада не сомневалась в силе возлюбленного и была согласна с Климом. Тит и вправду был самым удачным мужчиной в поселении. Но чтобы сражаться с ирдаванцами, требовались немалая сила дара и обучение в военной академии. Она помнила, как выглядели дяди — настоящие воины, но ни один не вернулся домой.

Кочевники представляли огромную опасность, да ещё и превосходили числом. Враги не захватили Открытые Земли лишь потому, что эти территории отделяла горная гряда. Но обороняться свободным государствам приходилось постоянно. Так говорили путники, привозившие новости издалека.

Отбросив страхи и сомнения, Лисица покинула укрытие в лесных зарослях и направилась к сидящему мужчине того же возраста, что и её отец.

Незнакомец был одет не так, как другие военные — без защитных пластин и шлема. Тело его покрывала серая рубаха да чёрные потёртые кожаные штаны. На ногах — высокие ботинки. Правда, на поясе висел внушительного вида меч. Мужчина выглядел очень крепким, несмотря на возраст, но если не принимать во внимание наличие клинка, то вид воина казался вполне добродушным.

С расслабленной улыбкой он начинал трубку табаком, предвкушая скорое удовольствие. А заприметив приближающуюся рыжеволосую девушку, удивлённо поднял брови.

— Чай, заблудилась, молодлица? — по-доброму протянул незнакомец.

— Не заблудилась. Я ищу жениха, — ответила Рада, пытаясь скрыть волнение.

— Ох! — засмеялся воин. — Так здесь с две дюжины женихов любого возраста да состояния. Есть и молодые, и постарше.

Рада округлила глаза, а щёки её заалели.

— Ты не смотри, что я в отцы гожусь. Я богат и ещё долго буду силен, — распрямылся незнакомец. — Смогу заинтересовать юную да пригожую, как ты. Хоть сейчас невестою нареку.

Мужчина и правда выглядел впечатляюще. Тело поджарое, движения не сковал возраст. На загорелом лице хоть и проявлялись морщины, но совсем его не портили, а придавали суровую привлекательность. Воин выглядел как вожак волчьей стаи, которого не уродовали шрамы от выигранных схваток и клочки седой шерсти, а, напротив, вызывали уважение и облагораживали стать.

— Я своего жениха ищу. Другие мне не нужны. Забрали его сегодня из ближайшего городка, — пояснила девушка.

— Жаль. Ну, тогда присаживайся. Обожди его здесь. Не дошли ещё новобранцы, — указал воин на свободную лавочку, стоявшую возле бревенчатого забора.

Яснорада не стала отказываться. Всё тело её ныло от долгого перехода, поэтому, усевшись, она прикрыла глаза, ощутив, как мышцы расслабились. Мужчина протянул девушке бурдюк, от которого она отказалась.

— Как звать-то тебя, Лисица? — подмигнул собеседник, прикурив свою потёртую трубку. — Долго шла?

— Братья с женихом так и кличут, а батюшка с матушкой Радой зовут, — ответила девушка. — Шла недолго. С обеденного солнца. Спешила, боялась опоздать.

— Ну, коли так, знать, устала ты, Рада. Посиди, отдохни, скоро и наречённый твой подоспеет, — пророкотал воин.

— А вы тоже провожатый? — любопытствовала девушка.

Собеседник ухмыльнулся.

— Так и есть. Только я до Ирдавана поведу. Но девам туда нельзя, — ответил мужчина, когда глянул на оживившуюся Яснораду. — Ты и тут шибко не задерживайся, повидеешь жениха и домой беги. Мужчины долго службу несут и женщин месяцами не знают. Так что не стоит проверять их выдержку.

Рада, услышав эти слова, съёжилась. А ведь она ни о чём подобном и не подумала, когда выходила из леса. А стоило!

— О, а вот и новобранцы плетутся. У тебя есть примерно час, Лисица, а после мы шагнём за ворота.

Рада подскочила с лавки и направилась в сторону толпы. Призывники оказались разных возрастов и профессий. Их было намного больше двадцати. Видимо, со всех близлежащих деревень собирали.

— Яснорада? — окликнул её удивлённый родной голос.

Обернувшись, девушка мигом очутилась в объятиях любимого.

— Тит! — Захлестнувшие эмоции выбили из её глаз солёную влагу, и Рада зашлась от плача.

Всю дорогу терпела, а тут

— Тсс Ну ты чего, Лисица! Ты ж не на погребальный костёр меня провожаешь. Через год вернусь. Пять лет меня ждала. Что для нас ещё один? — парень прижал возлюбленную ближе к груди, невзирая на то, что могли подумать об их благочестивости окружающие.

Толпа откровенно глазела на влюблённых и завидовала, но не осуждала. Кто-то тяжело вздыхал, кто-то чесал затылок и улыбался.

— Я думала, не успею. Боялась, не увижу тебя больше, — хлюпая носом, призналась Рада.

— Ну, ты чего такое говоришь? Я вернусь! Не могу иначе. Я ж тебя люблю! — произнёс Тит, а после, уткнувшись в ухо, добавил: — И не могу подвести. Кто после вчерашнего возьмёт тебя замуж, если не я?

— Мне никакой другой муж не нужен! — заворочалась Рада на твёрдой груди, а Тит засмеялся и поцеловал любимую, но быстро отпрянул, когда мужики засвистели и захлопали в ладоши.

Пара и не заметила, как стала предметом развлечения толпы. Даже воины из башен поглядывали в бойницы, чтобы подивиться.

— Возвращайся домой. Не хочу, чтобы ты по лесу в потёмках одна шастала. Буду волноваться, да и бабушка отругает.

Рада взяла себя в руки и вытерла лицо. Негоже при женихе слёзы лить. Тит верит, что вернётся, а она сырость развела. Ещё подумает, что Лисица в нём сомневается!

Жених улыбнулся, когда заметил, что Яснорада справилась с чувствами.

— Иди уже! Через год встретимся, только дожись! — с напускной усмешкой бросил Тит.

Она кивала, но шага сделать не могла. Будто понимала, что видятся они в последний раз.

— Давай же, Рада! Не тяни. Чем дольше прощание, тем тяжелее! — без прежней бравады произнёс парень.

— Я тебя люблю, Тит, и буду ждать до конца своих дней. Попробуй, только не явись! — выпалила угрожающе она и, резко развернувшись, направилась в лес.

Позади неё смеялся сын главы, а Лисица не оборачивалась, чтобы не показать ему вновь хлынувших слёз.

Когда девушка скрылась в зарослях от множества провожающих её глаз, то в бессилии привалилась к дереву и зарыдала в голос. Такое осязаемое ещё утром счастье разбилось, как глиняный горшок о большой булыжник.

Почему это произошло именно с ними?

Девушка рыдала от беспомощности и вселенской несправедливости. За что Матушка-Природа её наказывала? Может, за вчерашнюю поспешность? Как же теперь жить?

Немного придя в себя, Рада решила вернуться и проводить любимого до ворот хотя бы взглядом. Знала, что ему не понравится эта идея, и не хотела бередить его душу, поэтому укрылась пологом невидимости и подошла к кромке леса.

Знакомую фигуру зрение выхватило мгновенно. Тит выглядел понуро. Он сидел на траве и думал о чём-то невесёлом, что было понятно. Яснорада осознала, сколько усилий приложил наречённый, чтобы выглядеть в её глазах уверенно. Сейчас парень казался бледным, немного растерянным и обречённым.

Да, именно обречённым, как и другие призванные. Но, несмотря на осознание этого, никто не противился и не пытался сбежать.

Все знали, что дезертиру не будет жизни, как и его родным. Таких гнали из поселений. У них ничего не покупали и не продавали им. Семьи уклонившихся от долга были обречены жить в изгнании, не имея возможности лечиться, учиться и общаться. Никто в здравом уме не готовит своим родным подобное. Таковы законы Открытых Земель.

Постояв немного у кромки, Рада обошла по дуге небольшую компанию курящих самокрутки мужиков и снова воззрилась на любимого. Сердце сжалось. Как же хотелось подойти к нему и обласкать! Но Яснорада стояла и смотрела, зная, что Тит не желал, чтобы она видела его слабость.

— Надо выдвигаться, — негромко сообщил воин с мечом другому провожатому.

В том, что второй — человек того же ремесла, что и новый знакомый Лисицы, она не сомневалась. Одежда, повадки и даже ухмылка были какими-то другими, не такими, как у мужчин из её поселения или городка. Девушка назвала бы их матёрыми. Именно так.

— Ты после куда? Хочешь, давай со мной на запад, там нас ждёт несколько таких же посылок. Хорошо подзаработаем, — закуривая, предложил второй.

Знакомый провожатый мотнул головой.

— Больше не пойду. Отправлюсь на юг. Там себе деву найду, пусть нарожает мне детей, — прищурившись, с той самой матёрой улыбочкой ответил он собеседнику в кожаной безрукавке.

Воин присвистнул и загоготал.

— Ты, что ли, остарел, Красс? С чего это на покой собрался? А кому наше нелёгкое бремя нести?

— Надоело, Хилин. Я уже давно собираюсь, да всё никак А сегодня увидел эту влюблённую парочку, и что-то в груди оборвалось. Дева полдня шла к жениху, чтобы проститься. Вон как слёзы лила! Такая ждать будет и год, и пять Жаль только, не дожётся!

— Может, и дожётся! Были же случаи, — перебил Красса второй провожатый.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Эти точно не вернутся. Их отправят туда!

Только Рада хотела встрять в разговор и спросить: «Куда?», как опомнилась. Она же стояла сейчас и подслушивала то, что никому знать не следовало. Да её за такое и поколотить могли!

— Вот и я хочу, чтобы меня ждали, — мечтательно продолжил проводник. — Лошадей заведу. Породистых. Продавать буду. Денег у меня скопилось с лихвой. И на дом хватит, и на землю И зазную выберу пригожую и добрую. А ещё сыновей побольше. И младшенькую дочь, чтоб отцовской радостью стала.

Дальнейший разговор Яснорада не услышала. Мужчины не спеша направились к толпе и начали собирать всех у ворот.

Рада заметалась, не зная, что делать. Сообщить Титу, что услышала? И что с того? Бежать он не согласится, только ещё больше поникнет. Уйти самой и надеяться на лучшее? Да разве она смогла бы?

Пока рассуждения разрывали душу девушки, ворота открылись, и обречённые потянулись в ущелье. Там закатное солнце уже не освещало землю, спрятанную между уходящими ввысь скалами, поэтому зев ущелья выглядел зловеще.

Вот и Тит шагнул в тень. И когда оставалось лишь пятеро, включая провожатого Красса, Рада юркнула следом за ними, тут же очутившись в стьлом сумраке. Обернулась, услышав, как опустился засов на закрывшуюся створку ворот. В сознании промелькнула мысль, что назад пути нет.

Глава 5

Ущелье встретило путников холодным сквозняком. Кое-где за камнями ещё лежал спрессованный серый лёд, который и к середине лета, наверное, не растает.

Яснорада не вышла из-под полога невидимости: боялась, что её заметят. К ночи она не чувствовала ног от усталости и постоянно оступалась в темноте. Потеряла счёт времени, поскольку месяца в узкой полоске неба между отвесными скалами было не разглядеть.

Позже ей пришлось отойти от группы на приличное расстояние, после того как Красс, услышав шорох её неловких шагов, долго вглядывался в густую ночь. Лисице повезло. Воин подумал, что ему послышалось, однако стал более настороженным. Держа в поле зрения факелы, которые несли призванные, Яснорада старалась не отставать.

Спустя некоторое время она сбросила иллюзию — обессилела. Поддерживать дар было слишком утомительно. Лисица настолько обрадовалась привалу, что улеглась прямо на землю да так и уснула, а очнулась в кромешной тьме. Ни голосов, ни факелов. Вот тогда-то она испугалась не на шутку. Вспомнила о родителях, которые тем временем себе места не находили, и о братьях, наверняка прочёсывающих лес.

Помыкавшись вслепую, девушка нащупала заплечный мешок и немного успокоилась. По крайней мере, умереть от голода в ближайшие дни ей не грозило. Мясо и сушёные яблоки ещё оставались.

Яснорада не знала, в какую сторону идти, но догнать мужчин была просто обязана. Даже мысль о возможных ловушках впереди не заставила бы её повернуть назад. Ведь в эту самую секунду с Титом могло произойти непоправимое! Как тогда она сможет его спасти?

Подскочив, Лисица так напряглась, всматриваясь во мрак и прислушиваясь через дар, что у неё закружилась голова. Рада знала, что обращение к силе в полную мощь вызывает слабость и дурноту, но останавливаться не стала.

Яснораду слегка пошатнуло, однако она заметила, как тьма начала редеть, и до девушки донеслись звуки ночной жизни. Она распознала писк летучей мыши, снующей где-то в вышине, а затем — шуршание мелкого зверька. Сосредоточилась ещё сильнее. И вот уже послышался скрежет жвал крупного жука и журчание подземного источника. Рада снова потянулась к внутреннему свету и наконец уловила топот. Это были шаги. Шаги!

Рада не смогла сдержать вздоха облегчения и устремила на звук.

Лисица догнала отряд, по ощущениям, через полтора часа и, увидев спящего у костра Тита, расслабилась. Ей тоже следовало отдохнуть и поменьше использовать силу, но после пережитого ужаса девушке не хотелось закрывать глаза.

Она совершенно не знала, как быть дальше и как помочь наречённому. Рада гнала от себя мысли о родных, хотя прекрасно понимала, каково им сейчас. Но сожаления о побеге из дома всё же не испытывала и была твёрдо уверена, что иначе поступить не могла. Умерла бы от горя, случись с Титом беда, ведь он спас её когда-то. Разве теперь могла она бросить того, кого любила всей душой? Нет, это было не в её правилах!

Ночь сменило утро, а после него настал день. Время пошло своим чередом, и всё оставалось по-прежнему. Мужчины шли, а Рада не отставала.

Тёплой одежды у девушки не было, поэтому она почти всё время использовала купол для обогрева. Поначалу он требовал много сил, и Лисица быстро утомлялась, становясь вялой и сонной, но позже обнаружила, что привыкла и уже не замечала нагрузки, как и при поддержании полога невидимости.

Пейзаж ни капли не изменился с первого дня. Раде казалось, что она сходит с ума. Ей мерещилось, что группа блуждала кругами. Вот снова тот камень, похожий на огромную жир-

ную жабу, а чуть дальше, на склоне, примостилось скрюченное низенькое деревце, цепляющееся за жизнь своими коленчатыми корнями.

Иногда Яснорада подкрадывалась к новобранцам. Рассматривала серьёзное лицо Тита и слушала, о чём говорили мужчины. Последнее делала с осторожностью после истории о похождениях одного немолодого селянина. Ох и покраснела тогда Лисица! Наверное, и полог не смог скрыть её алеющих щёк и округлившихся от стыда глаз. С тех пор она уходила подальше, как только речь заводилась о девах.

Под конец недели, к вечеру, отряд вышел на широкую площадку, окружённую всё теми же скалами. Мужчины развели костры и устроились на ночлег. Рада спряталась между двумя огромными булыжниками. Она не стала ужинать и тотчас же легла.

Несколько дней девушка отдыхала урывками, боясь проспать и потеряться. Поэтому, узнав, что новобранцы останутся на этом месте до утра, Рада тут же воспользовалась случаем и уснула, подложив под голову свой мешок.

Перед сном Лисица подумала о том, что прошла уже неделя, но ни одной ловушки в ущелье путникам так и не встретилось, как и развилки. Да и вообще никаких бед не приключилось. Это странно!

На рассвете девушку разбудили крики, брань и звуки драки.

— Подъём, грузитесь!

— Спокойно, спокойно!

— Мужики! Держитесь!

— Ай! Помогите!

Вскочив с места, Яснорада выглянула из укрытия и едва не закричала.

На отряд напали!

Ирдаванцев она никогда не видела, но, вспомнив ходившие слухи, догадалась, что это именно они — пятнадцать мужчин, одетых в чёрные костюмы и обутих в кожаные сапоги. Кителю и штаны плотно облегли их стройные фигуры, однако совершенно не сковывали движений. Все были вооружены.

Рада отыскала взглядом Тита: он отбивался кулаками, но пропустил удар под дых и согнулся.

Девушка вскрикнула, испугавшись за наречённого, но в той суматохе её голос потонул в шуме драки, поэтому своего присутствия она не выдала.

Завернувшись поплотнее в полог, Лисица бросилась в толпу, надеясь незаметно увести любимого, но тут же получила случайный удар по голове и свалилась без чувств.

Яснорада очнулась на камнях. Каким-то чудом её невидимость сохранилась, поэтому девушку не обнаружили. Голова раскалывалась, из носа шла кровь. Рада осмотрелась.

Враги скрутили всех новобранцев, но ардаицы, к счастью, все до единого остались живы, хоть их и изрядно помяли. Большая часть мужчин оказалась связана и сидела на земле, а остальных, включая Тита, поместили в две большие повозки-клетки, в которые были запряжены лошади — чёрные тяжеловесы.

Новобранцы выглядели жалкими, а вот на ирдаванцах не обнаружилось ни царапины. Даже кители ни у кого из них не помялись и не лопнули по швам. Иноземцы смотрелись до отвращения безупречно! Все как один — высокие, длинноногие, поджарые, опасные.

В стороне девушка увидела свободных провожатых, которые беззаботно о чём-то беседовали, не встречая в происходящее. Очевидно, они знали о засаде заранее.

Лисице захотелось подойти к ним и врезать каждому в нос, но, конечно, этого она не сделала. Рада понимала, что стала единственной надеждой на спасение для Тита. Она наконец осознала: «Нужно бежать! Бежать, не оглядываясь! И не стоит страшиться суда за дезертирство, ведь ясно, что мужчин похитили, а не призвали на войну».

Когда Красс с Хилином прошли мимо невидимой Яснорады и направились обратно в ущелье, ирдаванцы тоже зашевелились. Пленников выстроили в колонну, которая тронулась и неспешно покинула каменную площадку.

Впереди на караковом жеребце восседал всадник, ничем не отличавшийся от остальных воинов в чёрном, только меча при нём почему-то не было.

Позади него покатались две повозки с клетками, в одной из которых находился Тит. За ними, связанные друг с другом, побрели другие «призывники». Процессию окружали всадники, трое из которых опередили остальных и, пришпорив коней, сорвались вперёд.

Рада поторопилась покинуть укрытие, чтобы не отстать. Хорошо, что повозок оказалось всего две, иначе как бы она успела за колонной пешком, если бы всех пленников погрузили на подводы? Впрочем, радовалась Лисица недолго. Уже через час горы оказались за спиной, а впереди развернулась бескрайняя земная гладь, ровная и абсолютно пустая.

На миг Раде показалось, что ей это чудится. Ну разве бывает в природе так идеально? Должен же где-то взгорok виднеться или корявый кусток, да хоть пучок засохшей травы! Но здесь не было ничего. Как есть — безжизненная пустошь. Лишь красный цвет почвы на фоне чистого лазурного неба притягивал взгляд и придавал пейзажу впечатляющий вид. Но вскоре и это надоело до рези в глазах.

Девушке приходилось постоянно скрываться под пологом, потому что иного решения у неё не оставалось — открытое пространство простиралось вокруг до горизонта. Стоило Лисице показаться — её бы сразу обнаружили и пленили, а может, и убили бы, но прежде непременно надругались.

От последней мысли Раду передёрнуло, но она отогнала страх. Сейчас ей нужно было подумать о предстоящей ночи. Если погода не испортится, то луна зальёт равнину светом, и Лисице придётся оставаться невидимой до самого утра. Но она точно знала, что сил на это у неё к вечеру не останется. Жизненно необходимо было что-нибудь придумать.

— Апчхи! — не сдержалась Яснорада.

Она надыхалась красной пылью, отчего постоянно слезились глаза и чесалось в носу. Вдобавок у Лисицы не оказалось с собой питья. Она намеренно не брала его, зная, что найдёт воду где угодно. Так и происходило до тех пор, пока Рада не ступила на Ирдаванские земли. Здесь она не чувствовала источников. Их попросту не было поблизости — совсем.

В этот раз её услышали. Всадник, замыкавший колонну, отстал и обернулся. Скользя взглядом по пустому пространству, он всмотрелся в то место, где на самом деле стояла Рада, и замер.

Девушка глянула туда же и чуть не ахнула. На земле бесформенным пятном лежала её собственная тень, которую она по невнимательности не прикрыла. Человеческих очертаний было не разобрать, потому что солнце стояло практически в зените. Но враг вперил пронзительный взгляд в эту точку и не желал отворачиваться.

Рада оцепенела от ужаса, вспомнив все жуткие истории про кочевников, которыми она пугала братьев. Сейчас девушка верила даже в те кошмары, которые выдумывала сама.

Ей стоило невероятных усилий оставаться на месте и не шевелиться. Рада сдерживала порыв помчаться наутёк, понимая, что далеко от всадника ей не убежать. Ещё мгновение, и она сорвалась бы, повинувшись инстинкту, сжимавшему внутренности страхом, но воин отвернулся.

— Матушка-Природа! — выдохнула Рада с невероятным облегчением.

Когда шок отступил, ноги сделались ватными. Девушка задышала глубже, перевела дух, закрыла тень пологом и направилась следом за удаляющейся группой, решив увеличить расстояние. Вдруг кочевник всё-таки надумает снова проверить.

Ещё до заката колонна резко остановилась и без поиска места начала устраиваться на ночлег. Какое уж здесь место — куда ни плюнь, везде одно и то же!

Рада тоже начала подготовку. Она решила выкопать неглубокую ямку и спать в ней, а землю разбросать тонким слоем вокруг. Так даже при лунном свете её будет трудно заметить.

Не откладывая, Яснорада принялась за дело, орудуя ножом и помогая себе руками, а когда солнце опустилось за идеальную линию горизонта, девушка улеглась в подготовленную «постель». Пропустить подъём она не боялась, зная, что кони будут отдыхать до рассвета, не меньше. Поэтому закрыла глаза и, засыпая, подумала о том, как сильно ей хочется пить.

Глава 6

Как только Рада открыла глаза, тут же накинула полог невидимости. Хорошо, что она вырыла укрытие. Во сне ей так и не удалось контролировать свой дар, поэтому приготовления пришлось кстати. Её не нашли, а значит, шанс спасти Тита всё ещё оставался.

Луна склонилась к горизонту, но предрассветные краски только тронули небо на востоке. Яснорада выпалась и сильно хотела пить. Она понимала, что если не раздобудет воды сегодня, то к вечеру свалится от жажды.

Недолго думая, Лисица двинулась к лагерю мужчин.

Подойдя ближе, она заметила, что спали все, даже кочевники, за исключением четверых. Двое о чём-то переговаривались, а двое других сидели у костра. Лошади, накормленные и напоенные, отдыхали. Воду, еду и даже дрова ирдаванцы привезли с собой.

Войти в круг света оказалось невероятно страшно. За несколько дней относительного одиночества Лисица успела отвыкнуть от столь тесного соседства с чужаками, среди которых теперь находились смертельно опасные враги. Один взгляд на кочевников вызывал у неё панический страх. Таких воинов девушка никогда не встречала. Даже родные дядьки, казавшиеся ей в детстве воплощением силы, сейчас выглядели бы скромно в сравнении с ними.

Позы, скупые движения, хищные наклоны головы — всё говорило о том, что с кочевниками шутки плохи. Да и какие уж тут шутки, если всего пятнадцать человек смогли скрутить полсотни здоровых мужчин, не прирезав при этом никого. Причём трое воинов стояли в стороне и в драке не участвовали.

Однако деваться было некуда. Как спасти жениха, когда сама умираешь от жажды? Да и разведать обстановку следовало.

Успокаивало то, что Рада оставалась невидимой. Нужно быть предельно осторожной: не наступить ни на кого, не забывать прятать тень под пологом и, главное, не чихнуть. Тогда всё получится.

Сосредоточившись, девушка вошла в круг света и замерла, привыкая к новой обстановке. От страха её трясло, но она всё равно двинулась вперёд к клеткам, по пути лихорадочно ища глазами бурдюк с водой.

Обойдя связанных пленников, она скользнула к спящему воину, возле которого лежала фляжка. Лисица тут же подобрала её и, выдернув пробку, жадно припала к горлышку. Лишь сделав глоток, Яснорада ощутила, как внутри хлынуло что-то обжигающе-горькое, отчего она не смогла сделать и вдоха. Из глаз полились слёзы. Рот девушка зажала рукой, чтобы не кашляться.

Как ни пыталась Рада потушить пожар, грозящий спалить ей горло и желудок, ни размахивание руками, ни высунутый язык, ни короткие вдохи-выдохи не помогли до тех пор, пока она не столкнулась взглядом с кочевником, сидевшим по другую сторону от костра. В секунду девушка забыла о жжении в горле и невольно попятилась.

Ирдаванец пристально смотрел на неё. Его губы изогнулись в кривой усмешке, а взгляд наполнил душу Лисицы ледяным ужасом. В тёмной бездне его глаз зловеще отражались языки пламени. Было в этом взгляде что-то потустороннее.

«Ирдаванец не может меня видеть!» — напомнила себе Рада и удержалась от того, чтобы броситься прочь, спотыкаясь о спящих.

Она глянула на двух кочевников, стоявших неподалёку и смотревших сквозь неё, и помахала руками прямо перед их лицами. Мужчины не заметили её движений. «Эти точно не видели, значит, и тот не мог!» — решила Яснорада.

Она медленно сделала два шага вправо и снова глянула на кочевника, сидевшего возле костра. Но он всё так же смотрел в пустоту, туда, где мгновение назад стояла Лисица.

Девушка выдохнула с облегчением, поняв, что внимание воина ей померещилось. «Едва чувств от страха не лишилась! Вот уж действительно жуть — попасться такому!» — подумала она.

Воду Лисица в итоге не нашла, но смогла подобраться к клетке и, обойдя её с неосвещённой стороны, чуть не заплакала от счастья, когда увидела спящего рядом с прутьями Тита. Просунув руку внутрь, она провела ладонью по родному лицу, заросшему жёсткой щетиной. Парень открыл глаза, а Рада на мгновение приподняла полог невидимости и показала ему.

— Яснорада? — неверяще выдохнул наречённый.

— Тсс! — раздался из темноты девичий голос. — Тит, нужно бежать. Я найду ключи и открою клетку, а после накрою тебя пологом. Мы уйдём вместе. Слышишь?

Парень оторопело кивнул в пустоту и предупредил:

— Будь осторожна, Рада!

Девушка улыбнулась и вернулась к костру.

Обойдя всех спящих кочевников, она так и не нашла ключей. Оставались четверо бодрствующих. Яснорада постояла полминуты и двинулась к тому, которого испугалась больше остальных. По всем законам страшных сказок ключ должен был оказаться именно у него.

Зайдя слева от воина, Лисица осмотрела его и безумно обрадовалась, когда увидела то, что искала. Ключ лежал на тюфяке, частично накрытый ладонью кочевника. Сам воин сидел на соседнем мешке, набитом сеном. Рада глянула на ирдаванца и увидела, что тот, облокотившись на поклажу и закрыв глаза, вытянул ноги. Суровое лицо в обрамлении взъерошенных тёмных волос казалось расслабленным. Похоже, он дремал.

«Вперёд, Рада! Если не сейчас, то когда? — мысленно подбадривала себя девушка. — Не бойся, он спит».

На цыпочках подойдя к кочевнику, она склонилась над мешком и коснулась пальцем плоской головки видневшегося из-под мужской ладони ключа. Руки воина выглядели расслабленными, поэтому Лисица медленно потянула железку в сторону. Ещё... и ещё.

От напряжения её бросало в жар, и Рада слышала, как шумит в ушах кровь. Ещё немного, и

Ключ оказался у неё в руках!

Резко распрямившись, она осмотрелась и замерла, успокаивая дыхание. «Меня никто не видит!» — мысленно напомнила себе Яснорада, поправила полог, проверила тень. И только двинулась к клетке, сжимая ключ в ладони, как за спиной услышала короткий, негромкий свист.

Обернувшись, она увидела кочевника, который уже проснулся и обнаружил пропажу. Ирдаванец по-прежнему сидел расслабленно, но кивком указал стоявшим в стороне воинам на клетки. Те прошли мимо невидимой девушки, чуть не сбив её с ног, и уселись возле повозок, преграждая Лисице путь.

От досады она чуть не выругалась вслух отборным словечком — из тех, что иногда ронял извозчик, нанимаемый батюшкой во время больших поездок на ярмарку.

Рада снова обернулась на кочевника, желая убедиться, что он всё-таки её не видел. Слишком подозрительным показалось то, что этот воин отправил дозорных к клеткам.

Мужчина с лёгкой улыбкой на смуглом лице смотрел на танцующий огонь, думая о чём-то явно приятном, а не о пленных. «Всё же показалось!» — убедилась Лисица.

Выдохнув, она покинула круг света. Решила, что спешить не стоит и лучше дождаться удачного времени. Главное, что ключ теперь у неё.

Рассвет разбавил ночные краски розовым и серым. Над пустошью лёг туман, затянувший красную землю сплошной белёсой простыней. Он доходил только до колен и при ходьбе цеплялся за ноги, а белая гладь распадалась вокруг ботинок рваными клочьями.

Девушка остановилась, чтобы не тревожить пелену и не привлекать к себе внимания, но ждала недолго. К тому моменту, как колонна собралась выступать, солнце поднялось, и туман осел влагой, прибавив пыль к земле.

На какое-то время Раде стало легче дышать, и желание чихнуть отступило.

Отдохнувшие мужчины держали хороший темп, и девушке иногда приходилось буквально бежать. Привалы стали короткими, а переходы — длинными. Равнина всё так же выглядела совершенно безжизненной — ни птиц, ни животных, ни растений. А самым пугающим было то, что на пути не попадалось ни капли воды!

Подходящего случая освободить Тита не представилось. Девушка с нетерпением ждала ночи. Ей казалось, что сегодня всё должно было получиться. Только бы дотянуть до темноты.

К обеду Яснорада начала отчаиваться от невыносимой жажды. Опуская ладони к земле, она пыталась дотянуться даром до источника воды, но подземные жилы залегали так глубоко, что Лисице было не добраться до них. Ближе к отряду подойти она не могла, к тому же все бурдюки были у всадников либо в руках пленных. На этот раз она не смогла бы украсть незаметно.

Привал снова оказался недолгим. Мужчины поели, попили и пошли дальше. А Яснорада не могла подняться. Её трясло от немощи, горло и глаза пересохли, губы потрескались до крови. Полог она удерживала с трудом. Если бы не он, то девушка протянула бы дольше без воды и еды, но использование дара истощало здоровье.

Подумав о Тите, Яснорада собрала оставшиеся силы и побрела дальше. Она не хотела сдаваться, но в глубине души уже понимала, что проигрывала эту борьбу.

Обессиленная девушка брела по красной проклятой земле. Она уже не испытывала ни злости, ни досады. Даже отчаяние покинуло её. Рада просто переставляла ноги, потому что угасающий разум всё ещё удерживал главную цель.

Ещё несколько шагов, и Лисица, споткнувшись обо что-то, рухнула на землю, больно ударившись коленями и ободрав ладони до крови. Опустив взгляд, она увидела бурдюк и решила, что у неё начались предсмертные видения. «Что ж, если я сошла с ума, то, может, хотя бы в бреду получится напиться?» — подумала Рада, дрожащими руками вытаскивая пробку.

Утолив жажду, Лисица провалилась в беспамятство.

Глава 7

Яснорада очнулась среди ночи от сильного холода. В пустоши хоть и стояла весна и днём пригревало, как в начале мая в родных краях, но ночью становилось зябко, особенно ближе к утру, когда остывала прогретая за день почва.

Возле себя Рада обнаружила почти полный бурдюк с водой. Похоже, его обронил кто-то из мужчин. Выходит, спасение ей не померещилось.

Горло саднило — то ли от обезвоживания, то ли от простуды. «Сейчас бы горячего малинового взвара — и под одеяло. Мама принесла бы грелку, а сорванцы прибежали бы послушать вечернюю сказку», — подумала она. От воспоминаний о доме у неё в глазах защипало.

Яснорада посмотрела в ночное небо, черневшее над головой. За всю свою жизнь она не видела ничего подобного — мириады звёзд, собиравшиеся в небесные реки и впадавшие во вселенские озёра. Красота, захватывающая дух, пугающая и далёкая. Чуждая настолько, что Раде казалось, будто она заблудилась в другом мире.

— Не разводи сырость! Соберись! Спасёшь Тита — тогда уж и рыдай сколько вздумается, — одёрнула она себя.

С этими словами она накрылась согревающим куполом и отправилась на север — туда, куда кочевники с самого начала вели пленных. Яснорада надеялась, что ирдаванцы не сменили направление, иначе ей их попросту не догнать, и тогда её неминуемо ждала бы смерть от голода и жажды, а Тита — неизвестная беда.

Шла Рада несколько часов. Чувствовала себя разбитой, но всё же лучше, чем вчера. К тому же она могла не прятаться под пологом, а это берегло силы.

Отсутствие живого вокруг настораживало. В окружающем мире таилось что-то неправильное. Пустыня казалась мёртвой. Даже насекомых здесь не водилось. Слышался лишь ветер, который то усиливался, поднимая клубы красной пыли, то стихал, едва тревожа воздух.

В её мешке остался кусочек мяса да две пригоршни сушёных яблок. Пожевав пару долек, Лисица подумала, что для побега придётся ограбить кочевников, иначе им с Титом не добраться до ущелья живыми.

Пока Рада шла и медленно ела сухофрукты, она краем глаза уловила метнувшуюся тень. Замерла и оглянулась. Ничего не увидела, кроме бесконечной пустыни, безмолвно раскинувшейся вокруг.

Яснорада двинулась дальше, с каждой секундой ускоряя шаг, и только тогда поняла, до чего ей стало жутко. Нет, не страшно, а именно жутко. Страх её преследовал постоянно, с тех самых пор, как громыхнул засов на деревянных воротах, преграждавших путь в Гиблое ущелье. И кто придумал такое название для вполне уютного, а главное, живого места? Видимо, тот, кто не бывал в пустоши Ирдавана!

Так вот, со страхом Лисица уже сроднилась, а сейчас её сковала леденящая жуть. Она кожей ощущала, что за ней из темноты кто-то наблюдает. Может, сама Тьма?

Её мысли прервал внезапно появившийся впереди мужчина, идущий прямо на неё. Рада не сразу поверила своим глазам. Опомнившись, она мгновенно скрылась под покровом невидимости, но незнакомец и не думал останавливаться — он продолжал неотвратимо приближаться.

Высокий, крепкий — без сомнения, воин. В ночном мраке угадывался лишь силуэт, но было в нём что-то от выправки ирдаванских конвоиров. И потому Яснорада не сомневалась, что мужчина явился по её душу. Никого больше рядом попросту не было.

Развернувшись, она бросилась прочь, но тут же заметила чуть правее ещё один силуэт. По её спине пробежал ледяной озноб. Неужели засада?

Метнувшись в сторону от преследователей, Рада понеслась вперёд изо всех сил, не желая сдаваться так просто. Но ноги быстро отяжелели, а сердце разогналось до предела, грозя выпрыгнуть из груди. Она не слышала приближающихся шагов, но ей казалось, что её вот-вот схватят.

Откуда ни возьмись чуть в стороне появилась третья фигура, а затем и четвёртая. Беглянку брали в полукольцо.

Воины двигались уверенно, без спешки, а Яснорада бежала, задыхаясь и ничего не видя из-за пляшущих перед глазами пятен.

Окончательно выбившись из сил, она остановилась и развернулась, чтобы встретить врагов лицом к лицу, но с изумлением осознала, что оторвалась от преследователей. Воины застыли далеко позади, а затем произошло и вовсе необъяснимое — силуэты слились в единую тень, которая распалась на клочья, словно чёрный туман, развеянный порывом ветра.

Страх немного отступил, Рада отдышалась, и вопросы лихорадочно завертелись в её голове: «Кто они? Может, призраки? Или всё это просто померещилось от изнеможения? А если я умерла и теперь вечность буду блуждать во тьме?» От этой мысли стало ещё тревожнее, ведь мёртвой она не сможет спасти Тита!

Стоило девушке вспомнить о любимом, как вдали засветилась точка.

— Пресветлая Матерь! Неужто?! — обрадовалась Яснорада и бросилась к источнику света. Она не ошиблась — впереди горели костры кочевников, ведущих арданийцев неизвестно куда.

— Спасибо, Матушка-Природа, — осипшим голосом пробормотала она, облизывая потрескавшиеся губы.

Лисица безумно радовалась тому, что её блуждания окончились, и сегодня она снова попытается освободить Тита из плена. Все дни путешествия судьба была к ней благосклонна, поэтому Рада надеялась и на дальнейшее везение.

Подойдя ближе к лагерю, она обогнула его по дуге и осмотрелась. Проверила полог, затем тень, чтобы не высовывалась. Достала добытый ключ, но на полпути остановилась — возле повозок вновь дежурил ирдаванец. Она боялась, что ключ не подойдёт, ведь клеток две, а он всего один. Любая заминка могла стоить ей жизни.

Покрутившись рядом, Рада так и не дождалась ухода воина.

— Выдвигаемся, — произнёс один из кочевников. Все засуетились. Вот только тот, кто охранял повозки, так от них и не отошёл.

Яснорада маялась, не зная, как поступить. Она не имела представления, что пленных ждало впереди, и промедление со спасением грозило Титу смертью.

Пока Рада колебалась, кочевники почти собрались. Тогда она достала маленький ножик, отобранный ранее у Евсея, подошла незаметно к связанным пленным и быстро перерезала верёвки в нескольких местах.

В суматохе никто не понял, как спали путы, но, почувствовав свободу, пленные все разом набросились на воинов в чёрном. У двоих отобрали мечи, с остальными дрались голыми руками, потому как ирдаванцы не спешили доставать оружие. Стало ясно, что пленники нужны им живыми.

Охранник повозок в драку ввязываться не торопился, да и взволнованным не выглядел. Яснорада чуть не застонала от досады.

— Уходи. Ну же, уходи! — шептала она себе под нос, мысленно подгоняя конвоира.

Вот уже нескольких арданийцев скрутили. Скоро повяжут и остальных. И всё! Другого случая спасти Тита, возможно, не представится!

Рада огляделась и, увидев пристёгнутый к седлу тёмно-гнедого жеребца походный чугунок, сдёрнула его. Зажмурившись, она с размаху ударила охранника по голове.

Несмотря ни на что, ей стало не по себе оттого, что она подняла руку на живого человека. К тому же кочевники никого не убили за время путешествия и даже не издевались над пленными. Поэтому Яснорада склонилась над упавшим воином и нащупала его пульс.

Живой! Выдохнув с облегчением, она кинулась к клетке. Повернула ключ. Замок приглушённо щёлкнул и упал на землю. Лисица не сдержала торжествующего возгласа.

Тит покинул клетку первым.

— Бежим туда! — потянула девушка за руку любимого.

Он не отставал. Когда Рада раскинула полог над ним, наречённый наконец увидел её.

Их сердца стучали набатом. Держась за руки, влюблённые петляли между ирдаванцами и арданийцами — те, разумеется, их не замечали, но могли случайно толкнуть или задеть оружием. Разгорячённые дракой мужчины не видели, как беглецы перепрыгивают через упавших. Рада один раз всё же споткнулась, но Тит, подхватив её, не дал упасть.

Выбравшись из гущи драки, они устремились на юг. Лисица почти не чувствовала усталости. Любимый рядом, и он жив! Что будет дальше — неважно. Главное — они вместе, а прочее сладится!

Неожиданно Тит упал как подкошенный, а Рада, выронив его ладонь, по инерции пробежала вперёд, не успев растянуть полог. Обернувшись, она заметила, что ноги жениха спутал аркан, а в сторону беглецов уже скакал один из кочевников.

— Беги, Лисица, беги, — бросил ей Тит.

Она вернулась и, присев, трясущимися от напряжения руками пыталась распутать верёвку, туго затянувшуюся вокруг его лодыжек.

— Если тебя схватят... в общем, тогда нам конец. Беги сейчас, попробуем снова позже.

Яснорада глянула на приближающегося ирдаванца и, как бы ни хотела остаться с любимым, развернулась и побежала.

Тит был прав: если её схватят или убьют, шансов на спасение не останется. Вот только как их заметили? Не случайно же эта верёвка спутала его.

Убедившись, что за ней никто не гонится, Лисица остановилась отдышаться. Она видела, как одних пленных стаскивали в кучу и запирали в клетки, других связывали. Когда колонна собралась, девушка села на землю и заплакала.

Слишком тяжело, слишком страшно! Это не по её девичьим силам! Всё тело ныло от непомерных ежедневных нагрузок, ноги были разбиты в кровь, а кожа зудела от пыли и грязи. Как бы Рада хотела оказаться сейчас дома, рядом с любящими батюшкой и матушкой, с братьями.

Но что бы она делала там без Тита? Был бы ей покой?

Эти вопросы заставили Раду собраться. Она не сломается! Нужно идти дальше? Пойдёт! Понадобится украсть жениха? Украдёт!

По-мальчишески вытерев лицо рукавом, она поднялась и пошла следом за уходящим отрядом.

Глава 8

Ближе к вечеру Рада заметила, как на горизонте меняются очертания местности. Что было вдаль, девушка не рассмотрела — то ли голые стволы деревьев, то ли вытянутые камни.

Примерно через час она вышла к долине бьющих источников и горячих ключей. Странные силуэты, которые издали видела Лисица, оказались застывшими столбами красной глины. Некоторые достигали в высоту трёх человеческих ростов!

«Интересно, какая сила выбросила струю жидкой породы в такую высь?» — подумала Яснорада.

Всё вокруг выглядело нереальным. Кое-где из-под земли вырывался пар. Чуть правее, огибая камень, струился родник. Лисица припала к нему и напилась ледяной воды. Вот же диво! Всё кругом кипело и пылало жаром, а этот источник оставался холодным!

Не забыла она и потерянный кочевниками бурдюк наполнить.

Потом Рада долго рассматривала своё отражение в тёмной воде. Исхудала. На лице одни глаза остались да веснушки. Вон уже и ремень, застёгнутый до предела, неплотно обхватывал талию. Волосы были всклокочены, всё лицо покрывали красные разводы от ирдаванской пыли и слёз.

— Да уж! Мной бы ворон на поле пугать! — горько усмехнулась Яснорада.

Мужчины остановились на привал среди глиняных столбов, а неподалёку нашлось тёмное озерцо с тёплой водой, в которое пленные попрыгали как дети. Они смеялись, фыркали и наслаждались купанием.

Рада, обойдя округу, нашла купель и для себя. Водоём оказался небольшим, но так даже лучше. Вода была такой прозрачной, что дно просматривалось до последнего камешка, поэтому в неё было не страшно заходить.

В деревне поговаривали, что во всякой воде кто-нибудь да жил: где — кикимора, где — утопленник, не познавший очищающего погребального пламени, а где и болотный дух сидел да ждал, как бы неосторожного человека на дно утянуть и позабавиться.

Рада постирала свои вещи и разложила их на горячем камне, надеясь, что так они быстрее высохнут. Сама погрузилась в водоём и застонала от блаженства. Надо же, какое удовольствие! Все мышцы благодарно расслабились, кости перестали ныть, а ссадины очистились от запёкшейся крови и пыли.

— О, Мать всего живого! — не в силах сдержать восторг, прошептала Рада.

Полежав в воде и как следует отмокнув, Лисица приступила к делу: натёрлась красной глиной с ног до головы, обходя только ссадины, густо намазала волосы грязью, помассировала кожу, а затем хорошенько всё промыла водой. Выбралась на плоский камень и легла обсохнуть.

Нагота её смущала, и она чувствовала себя неудобно, хоть и была под пологом невидимости, да и мужчины были достаточно далеко. Но всё же девушка решила не натягивать высохшую одежду на мокрое тело и, чтобы не терять времени, принялась расчёсывать волосы.

Гребня у неё при себе не было, поэтому она справлялась пальцами. Кудри сильно спутались и, высыхая, превращались в одну громадную пушистую рыжую копну. Как ни пыталась Рада их пригладить, ничего не вышло, поэтому, просушив волосы, она заплела косу и кое-как стянула её лентой.

После небольшого отдыха Яснорада снова отправилась на разведку.

Пленные набирались сил. Мужчин не связали, а те, кто путешествовал в клетках, тоже прогуливались возле них. Кочевники мылись по одному, остальные конвоиры охраняли ардабийцев.

Рада сочла увиденное удачей и приблизилась к жениху. Бросив в него пару маленьких камешков, она заставила его обернуться. Спустя мгновение Тит догадался, что Рада рядом. Осмотревшись, он нашёл место, где можно было переговорить, и прошёл туда.

— Я отвяжу лошадей, и, пока кочевники будут их ловить, вернусь за тобой, — раздался шёпот Рады из пустоты.

Тит кивнул, а она прикоснулась к горячей мужской ладони. Ей это было нужно.

Лисица юркнула к месту, где кормились животные, и отвязала всех. Одного коня оставила для себя и Тита. Набрала побольше воздуха и свистнула что было сил, как учил её старший брат Проф.

Кони заржали и с перепугу понеслись кто куда. Вороного жеребца Яснорада придержала, успокоила и, накрыв его пологом, вернулась к пленным. Кочевники разбежались догонять живность, но трое остались. Они выглядели совершенно спокойными, что вновь Раду удивило, а один даже ухмылялся, скрестив на груди руки. Кажется, это был тот самый, у кого она умыкнула ключ.

Пленные в этот раз драку не начинали: поняли, что бесполезно. Если и убьют троих конвоиров, то с вернувшимися им не справиться. Да и, судя по беспечному виду, угрозы эти трое не ощущали. Исходила от них уверенность в собственной силе, такая, что отпадало желание испытать эту самую силу на своей шкуре. И, как назло, Тит стоял возле жуткой троицы.

Подойдя ближе, Яснорада подобрала несколько камешков и бросила в парня. Он снова догадался и сделал пару шагов в сторону, но ухмыляющийся воин преградил ему путь и, обернувшись, посмотрел Раде прямо в глаза.

Она замерла от тёмного, жуткого взгляда. Неужели этот кочевник всё же видел её?

«Этого не может быть! Даже Тит, зная, что я рядом, рыщет взглядом», — пыталась успокоить себя Лисица. Но ирдаванец смотрел на неё и надменно улыбался, словно дразнил!

Девушка запрыгнула в седло и обернулась — жуткий воин всё ещё смотрел на неё! С вызовом!

Желая убедиться, что пристальный взгляд врага — пугающее совпадение, Рада тронула поводья, и конь сделал пару шагов вперёд. На этот раз мужчина больше не следил.

Рада выдохнула с облегчением. Снова показалось! Ведь если бы воин её видел, то давно бы уже убил, а за последнюю выходку — тем более. Но Яснорада жива, и её даже не искали!

Спустя час кочевники вернулись со сбежавшими лошадьми. Поймали всех, кроме вороного, которого увела Рада. Девушка грустно подивилась тому, что за всю свою жизнь не крала столько, сколько за последние несколько дней.

А крала она всего один раз, когда ей было одиннадцать. В тот день Клим не хотел брать сестру с собой, но она увязалась.

Вместе с Титом бедокуры отправились в палисадник мудрого Фрола. В том саду всё давно выродилось. Одичали и яблони, и груши, но росло одно небольшое дерево черешни подле кухонного окна, в которое старик целыми днями смотрел.

Были те ягоды крупными, сочными, почти чёрными на вид. Фрол ждал, чтоб они дошли. Собирался со дня на день сорвать. Птиц отгонял, которые не прочь были ягодами теми полакомиться.

Раду отправили отвлекать мужчину, что она и сделала. Постучала в дверь и, когда ей открыли, завела бестолковый разговор.

Старик обрадовался. Одинокий Фрол общением не был избалован, поэтому с удовольствием беседовал с весёлой рыжей девчонкой.

Когда Рада вернулась к парням, то расстроилась оттого, что бессовестные обобрали все дерево подчистую, не оставив старику ни ягоды.

Она поругалась тогда с братом и ушла домой. Черешни не взяла. Но с тех пор стала часто захаживать к дедуле в гости. То вкусовостей принесёт, то в доме приборёт.

Фрол догадывался, кто собрал все ягоды, но ругаться не стал. Так и сдружились они с Яснорадой.

Пару раз ирдаванцы объезжали округу на скакунах. Может, искали вороного, может, и её. Но, ничего не найдя, возвращались. А позже со всей колонной отправились в путь.

Следующий отрезок дороги дался Лисице легче прочих. На этот раз она не сбивала ног, а восседала на прекрасном длинноногом жеребце. Соскучившись по живому, девушка долго гладила красавца, ложилась на его холку, вслушиваясь в шумное дыхание и биение лошадиного сердца. Ей нравилось ощущать тепло его тела, и впервые за много дней её настроение приподнялось, и жизнь не казалась такой несправедливой и одинокой. Вороной стал для неё не просто конём, а другом, с которым Рада вела беседы.

Всё шло хорошо до тех пор, пока не наступила ночь. Новый друг захотел есть и пить, а у Лисицы кроме пары горстей сушёных яблок да бурдюка воды с собою ничего больше не было. Это она могла протянуть на таком запасе ещё долго, а коню — на один укус и глоток.

К тому же Рада понимала, что ночью ей не спрятать жеребца — сил на полог не останется.

Долго думать она не стала, зная решение наперёд. Вороного придётся вернуть, иначе погибнет красавец от голода и жажды. А этого Лисица ему не желала.

Дойдя до развёрнутого мужчинами лагеря, она спешила. Протянула ладонь с несколькими яблочными дольками. Конь шумно втянул ноздрями аромат и слизал всё разом. Угощение животному понравилось. Рада поцеловала чёрный нежный нос коня и направила четвероногого в освещённый кострами круг света.

Друг резво пошёл, а девушка осталась, глядя ему вслед.

— Нагулялся? — язвительно протянул один из кочевников. — Иди сюда, накормлю.

А Рада стояла и смотрела на всё со стороны. Отчего-то Лисице стало невыносимо тоскливо. Нужно было разворачиваться и идти устраиваться на ночлег, чтобы на завтра хватило сил. Но она не могла пошевелиться. Даже лагерь врагов ей казался уютным.

Вон там мужчины сидели кружком, курили и травили друг другу байки. Неподалёку кочевник общался с кучкой арданийцев, и со стороны казалось, что беседа была если не дружеской, то точно нейтральной. Другой воин раздавал мужикам провизию, припасённую заранее, и горячительное в бурдюках. Пленники кривились, когда пили, но после смеялись довольные.

А Яснораду ждала земляная ямка в полной темноте и одиночестве, а ещё несколько часов тревожного сна, сопровождающегося жуткими кошмарами. С тех пор как она увидела призрачного мужчину, ей так и мерещилось всякое: то чёрное облако метнётся на краю зрения, то тень шевельнётся в стороне. Скорее всего, и мужчина тот ей просто показался, ведь Рада тогда чуть не умерла, а перед смертью всякое могло привидеться. Но страх остался, а точнее — жуть!

Не стоило ей думать о таком на ночь глядя, находясь посреди вражеской пустыни. Призраков не существовало, никто из знакомых Лисицы с ними воочию не сталкивались, а рассказывать могли что угодно. В конце концов, она и сама гораздо была забористую историю сочинить.

Однажды девушка поведала Евсею про беса, который поедал ночью языки болтливых детей. Так мальчишка долго боялся спать в своей постели и прибегал посреди ночи к ней зарёванный.

Лисица сгребла себя в охапку, развернулась и ушла. Через несколько часов она должна была воротиться и придумать новый способ спасения Тита. А пока ей нужно было отдохнуть. Хоть она и не шла своими ногами, но накрывать пологом себя вместе с жеребцом — дело нелёгкое.

А ещё — ямку копать.

Глава 9

Рассвет не тронул небеса, когда Лисица вскочила из своего укрытия. Не проспала. Она собралась, попила воды и направилась к лагерю.

Картина складывалась удачно, на её взгляд. Все спали. Даже кочевники дремали у костра, опершись о мешки. Двое дежурных воинов сидели с другой стороны лагеря, вдали от повозок.

Подойдя ближе, Рада чуть не завопила от радости: дверцы клеток открыты, повозки пусты, и только в одной из них спал Тит.

Оглядевшись, она не заметила поблизости стражи — вот это удача! Рада не знала, почему пленников развязали, а те перестали сопротивляться захватчикам. Скорее всего, мужики поняли, что для пути назад провизии уже не хватит, а без кочевников вперёд дороги им не найти. Вот и смирились. Но Яснорада не могла. Она должна была спасти любимого.

Не теряя времени, девушка шагнула в клетку и тронула парня за плечо.

Тот сразу проснулся. Она сделала его невидимым для других и обняла. Тит выглядел измученным, бледным и осунувшимся.

— Пойдём! Нужно уходить сейчас, — еле слышно прошептала Рада. — Только придётся еду украсть.

Парень кивнул, поднялся и понуро направился к выходу. На ступеньке обернулся и сказал:

— Прости.

Это слово он произнёс одними губами, а после захлопнул дверцу и защёлкнул замок прямо перед растерянной Яснорадой.

Она вцепилась в решётку и уставилась на любимого, не понимая, что происходит. Он же знал, что действие невидимости ограничено небольшим радиусом.

— Тит! Открой! Тебя схватят без полога! — в панике прошипела она.

Неужели это ошибка? Может, очередной кошмарный сон?

— Прости, Лисица! Я не гожусь для войны. У меня там нет шансов. Ты же знаешь силу моих способностей. А у тебя, возможно, получится выжить. Я верю, что ты сможешь, с твоим-то светом! Не смотри на меня так, я давно догадался о твоей тайне, — негромко ответил Тит. Сонным он уже не выглядел. — Помню, как ты срастила перерубленный мной ствол розы. Той, что оплетает беседку в саду моего дома. А полог? Ты хоть понимаешь, что не каждый магистр академии может такое сотворить? А ещё обвал на горной тропе Ты закрыла нас щитом неосознанно. Тебе было всего десять!

Рада смотрела на парня, теряя дар речи. Издалека, словно пробиваясь сквозь толщу непонимания, приходило осознание происходящего. Тит её предал! Но разве могло это быть правдой?

«Нет! — кричал разум. — Только не Тит! Никто не вправе так поступить, зная, через что я прошла. А он знал!»

— Ты простишь, Лисица, я верю в это. Ты добрая и любишь меня. И я тебя тоже, но не могу так поступить со своей жизнью. Я должен вернуться и занять место отца. Не имею права его подвести, понимаешь?

Яснорада оцепенела. Она не чувствовала пальцев, сжимающих прохладный металл клетки. Все ощущения сконцентрировались в глубине груди и болью разлились по телу.

— Для этого тебе придётся назвать другую наречённую, — сдавленным голосом произнесла Рада, помня об условии, без которого не становятся главами поселений.

— Прости, — Тит опустил глаза и даже не стал разубеждать Лисицу.

Конечно, ведь он без труда найдёт новую невесту. И, похоже, сын главы был готов на это пойти.

Рада не плакала. Просто стояла и смотрела на такое знакомое и в то же время совершенно чужое лицо. Вместо её жениха, Тита, стоял незнакомец — такой же, как любой из спящих арданийцев.

Спустя мучительную паузу парень направился прочь.

— Постой, — окликнула его Яснорада.

Он вернулся. Совершенно серый и будто неживой. Стало ясно, что этот поступок дался ему нелегко. Однако он всё же пошёл на предательство.

Девушка протянула парню его же кольцо и произнесла:

— Отдашь другой невесте. Моему отцу скажи, что я жива, но навлекла позор на нашу семью — потеряла девичью честь. Поэтому не вернись домой, пока не найду того, кто захочет взять порченную девку замуж.

Тит сжал губы и коротко кивнул.

— Ещё передай, чтобы смотрели за Евсеём. Он непременно отправится меня искать, а Савка поплетётся за ним. Сгинут сорванцы, — добавила она.

Не дожидаясь ответа, Яснорада развернулась и шагнула к дальней стене повозки. Когда же она обернулась, то увидела, что подошедший кочевник передал Титу набитый провизией мешок и бурдюк с водой. Затем снял со своего пальца перстень и протянул юноше. Не оборачиваясь, тот ушёл. А спустя пару десятков шагов его фигура растворилась в рассветной мгле.

Паладин сидел возле костра, когда заметил приближающуюся наездницу. Возвратилась, в чём он и не сомневался. В первые дни был уверен, что она развернётся и отправится домой — пустошь не для юных леди. Но рыжеволосая не ушла. Голодала, мёрзла и боялась до дрожи в теле, но не отступила.

Конечно, он её видел с тех пор, как Аарон доложил о странной тени, взявшейся из ниоткуда. Другие невидимую спутницу не замечали, но для паладина Мрака полог сокрытия не был помехой — он рыжую прекрасно рассмотрел. Тощая и чумазая, как беспризорник-попрошайка на рынке.

Незнакомка выглядела странно. Воин сказал бы — забавно. Таких леди он раньше не встречал. Не было в ней привычной, сквозящей холодом стати, но ощущалась давно забытая им женская сила. Кажется, её называли — любовь.

Да! Именно любовь, толкающая рыжую на безрассудство. Леди полагалось сидеть дома и горевать положенный срок после потери возлюбленного, а вскоре — найти другого и наладить жизнь. Но девчонка упорно шагала, не желая мириться с судьбой. Паладин прекрасно помнил, как в первые дни она сбивала ноги в кровь, кусала губы, рисковала собственной жизнью ради любимого. А может, брата?

Может быть, но это всё равно ничего не меняло. Леди должна была сидеть дома и оплакивать брата, а будущий жених — утешать её вечерами. Но воин помнил, как рыжая плелась, еле передвигая ногами, смешно морщила нос, сдерживая чихание. Чихала, кстати, ещё смешнее.

Когда она пришла впервые в лагерь, паладин понял, что у девчонки не осталось воды: губы потрескались, тени залегли вокруг впалых глаз, мечущихся в поиске сосуда с питьём — всё говорило о жажде. Воин чуть не рассмеялся, когда леди хлебнула огненной настойки, которую так любили простые солдаты. Да он и сам особо не брезговал ею в походах.

Паладин забавлялся, глядя на ничего не подозревающую девушку. Он развлекался в одиночестве и не рассказал своим воинам о таинственной спутнице. Позволил украсть ключ, хоть руки и чесались схватить воровку. Не помешал отпустить призывников и лошадей. Правда, пару раз воин чуть не выдал себя, когда откровенно смотрел на неё в упор.

Девчонка становилась бледной, пятилась. Мужчине казалось, что она рухнет в обморок от страха. Но Рыжая брала себя в руки, убеждалась, что всё ещё невидима, и продолжала бедокурить.

Именно бедокурить и пакостить. Угрозы никакой от девушки не исходило. Даже когда она ударила Марса по голове, то испугалась за него и судорожно нащупывала пульс. Ей было жаль того, кого она считала врагом. Только убедившись, что он жив, продолжила начатое.

На очередном привале парни заметили кого-то вдаль, но командующий отдал приказ не обращать внимания. Он понял, что девчонка умирает от жажды, раз она даже полог не может удержать. Командующий испытал укол разочарования. Путь был неблизким и однообразным, а рыжей удавалось поразвлечь воина.

Перед уходом он оставил ослабевшей путнице сосуд с водой, сомневаясь, что она выкарабкается.

На ночном привале паладин не выдержал и, приняв бестелесную форму, вернулся на то место, где осталась умирающая. Девчонка поднялась, чем ещё больше удивила мужчину.

Надо же, какая сила! И это не тяга к жизни: будь дело только в ней, рыжая уже бы сдавалась. Это любовь! Такая светлая и чистая, что даже он ощущал её тепло, хотя и принадлежало чувство другому.

К развлечению паладина присоединилось и иное — любопытство. Он решил помочь любящей найти любимого, ведь колонна сменила направление, а девушка упрямо топала строго на север. Пришлось её немного поугадать.

После горячих источников леди изменилась. Она стала чистой. Огненная копна волос была кое-как перехвачена лентой. Кожа оказалась золотистого оттенка, непривычного взору паладина. В его краях ценили благородную бледность. Темно-зелёная широкая рубаха, перетянутая ремешком на талии, и коричневые кожаные штаны подчёркивали стройность юной особы. Девушка выглядела непростительно ярко. Там, откуда он родом, так не выглядели леди. Да и те, кого и леди-то язык не поворачивался назвать, тоже так не выглядели.

Вернувшись, рыжая принялась за дело: распугала лошадей и попыталась освободить паренька. Но паладин уже знал, на кого нацелен маленький огненный смерч, поэтому стерёг блондина. Ждал. Было любопытно, что предпримет она на этот раз.

Девчонка, правильно рассудив, отступила. Правда, командующий опять не удержался и посмотрел на неё, чуть не выдав себя.

Она стояла так близко, что он смог разглядеть на её коже россыпь мелких, медного цвета точек, покрывающих лицо. А ещё глаза. Её радужки искрились хризолитовым блеском. Тёплым, светлым и чистым зелёным. Вызывающе красочно!

Под взором мужчины кожа девушки побледнела, незнакомку затрясло, но, взяв себя в руки, она сдвинула жеребца в сторону, а паладин приложил усилие, чтобы не проводить леди взглядом. Она ушла. Но воин знал, что ненадолго.

Вернулась к ночи. Командующий гадал, что предпримет огненный вихрь на этот раз. Уже и мужчин освободили. Аарон ввёл их в курс дела, вкратце пояснив, для чего их ведут и почему в начале пути их связывали и сажали в клетки. Теперь пленить новобранцев не имело смысла. Все понимали, что шли сражаться за свои земли. Мрак накроет всё: и Ирдаван, и Ардан, если прорвёт границу с Эребраном. Но вихрь привёл коня и ушёл, не напакостив. Рыжая пожалела голодное животное. Странная девушка.

Паладин подумал о тех леди, которые кривили носы от одного запаха немойтой конины и уж точно не ездили верхом. А зеленоглазая обнимала и целовала Тёмного в нос! И в седле держалась превосходно. Воин даже залюбовался ею.

— Кто она тебе? — тихо спросил паладин у светловолосого крепкого паренька.

Тот встревоженно глянул на неожиданного собеседника, но ответил честно, поняв, что воину всё известно.

— Наречённая. Любит меня уже восемь лет. Я обещал жениться на ней, но теперь

— Не женишься, — продолжил паладин. — Вряд ли ты вернёшься. Но твоя смерть не будет напрасной. Ты отдашь свою жизнь во благо других. Пока такие, как мы, жертвуют, все прочие живут.

Парень сник. А командующий задумался, глядя на жениха. Чем же он мог заслужить такую любовь?

После довольно долгой паузы паладин лениво продолжил:

— Ты сможешь вернуться домой. Я могу тебе в этом помочь. Дам провизию и то, что защитит тебя от нового призыва.

— Что я буду должен? — оживился Тит.

— Отказаться от её любви, — пояснил чёрный воин.

— Как? Разве я могу решать за неё? — удивился блондин.

— Решай за себя, Тит, — паладин намеренно назвал парня по имени, хотя тот ему не представлялся.

Под утро наречённая явилась. Кинулась в клетку к притворяющемуся спящим жениху не оглядываясь. Наивная.

Воин подумал, что это даже хорошо, ведь чем больнее ей будет, тем больше станет её сила в итоге. Он намеренно обменял слабенького паренька на девушку. У Тита дара было разве что на закрытие узенькой щёлочки, в которую детёныш взъясоти с трудом пролез бы. А вот рыжая пылала мощью. Сила её была совершенно непонятна паладину Мрака. Он не знал, что с нею делать, но любопытство перебороло его, и воин решился на авантюру. Обоих забрать он не мог, так как всегда строго следовал договору, по которому увозил из Ардана пятьдесят душ, не больше и не меньше. Но обмен можно было считать вполне уместным.

Важно, чтобы парень предал девушку и она узнала правду. Паладин по собственному опыту понимал, что чем сильнее боль, тем могущественнее становится человек. А ему требовалось много светлого дара, поэтому он оказался доволен, когда разговор влюблённых подошёл к концу. Девушка испытала невероятную боль.

Однако она снова удивила — не плакала, когда внутри неё что-то умерло, не слала проклятия вслед предавшему, не умоляла парня выпустить её. Стоя в клетке, она переживала за него. А ещё за Евсея и Савку. И командующему стало безумно любопытно, о ком шла речь.

Глава 10

Кочевники начали собираться в путь, будто и не спали вовсе. Наверное, так и было, просто разыграли для неосторожной Лисицы спектакль, сговорившись с Титом. Да и пленные поднялись бодрые, выспавшиеся. Перекусив, принялись тянуть жребий, кому ехать в телеге.

Оказалось, что путешествовать в клетке хотели все. Оно и неудивительно, раз сбегать передумали. Всё лучше на повозке, чем ноги собственные сбивать.

Рада заволновалась. Только сейчас осознала, что придётся находиться в тесном окружении столько мужчин. Иллюзий насчёт них она не питала. За время путешествия такого наслушалась, что волосы дыбом вставали. Поэтому понимала, что, если захотят они воспользоваться её юным телом, никто их не остановит. Здесь, в гиблой пустоши, законов не было. Просто Лисице пока всё ещё везло оставаться незамеченной.

Зажмурившись, она представила себя щупленьким пареньком, надеясь, что морок удастся.

— А ты кто, заморыш? Не видел тебя раньше, — удивился краснолицый мужик с мясистыми щеками, забираясь в повозку. — Пошёл вон! Нужно было жеребьёвку пройти, чтобы ехать.

Рада кивнула и направилась к выходу, стараясь не показывать радости от предстоящего побега. Но у двери встал тот самый ирдаванец с насмешливой улыбкой и тёмными глазами, который наводил на Лисицу жуть. Он окинул девушку изучающим взглядом с ног до головы и хмыкнул, как ей показалось, одобрительно.

— Парень поедет здесь, — произнёс спокойным тоном он.

Обсуждать его слова никто не осмелился. В том, что прозвучал приказ, сомнений ни у кого не возникло.

Мужчины погрузились в клетки. Заперли только ту, в которой была Яснорада. Пеших арданийцев не связывали. Колонна тронулась в путь.

Всю дорогу Рада молчала. Лисица боялась проболтаться о том, кто она на самом деле, или того, что мужики по голосу догадаются о её тайне. Девушка просто сидела и слушала.

Из разговоров стало понятно, что везли мужиков на войну. «Выходит, всё же новобранцы, а не пленные. Тит тоже упоминал об этом. Но на какую?» — задалась вопросом Яснорада.

Двигалась группа почти всё время на север, лишь пару раз забирая чуть западнее. До Юго-Западной гряды было уже больше недели пути, а значило это, что война не между государствами Открытых Земель.

И тут Раду осенило: «Против Покрова Мрака!»

Волоски на теле девушки встали дыбом. Она вспомнила призрачного мужчину, которого видела недавней ночью, и всё, что знала о тех существах. Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Стало тяжело дышать. Закралась мысль, что в ту ночь Лисице ничего не привиделось. Что она узрела создание Мрака! А что, если арданийцев везли на корм монстрам?

Неконтролируемая паника охватила пленницу, и Рада стала задыхаться.

— Эй, ты чего? Пареньку плохо! Воды сюда! — прокричал немолодой мужчина.

В его руках оказался бурдюк, который он сунул Яснораде, а сам опасно отошёл.

Напившись, девушка увидела, что все мужчины столпились в противоположном от неё углу, настороженно поглядывая.

— Ты, случаем, не хворый, малый? На чахоточногоходишь. Дюже худой да бледный, и всё лицо в точках, — раздался низкий бас из толпы.

Рада помотала головой и ответила сиплым голосом:

— Перенервничала перенервничал!

Мужики недоверчиво косились, но спустя пару мгновений расселись на полу, приняв объяснение. Бурдюк оставили Лисице. На всякий случай, боясь неизвестной болезни.

Путь продолжался.

Весь день Рада обдумывала варианты побега да слушала мужицкие байки, буквально затыкая уши, когда рассказы скатывались в пошлость.

В периоды тишины девушка смотрела вдаль, размышляя о своём. Во время привалов её выпускали справить нужду в сторонке под присмотром того воина, у которого она стянула ключ. Тогда-то девушка поняла, что жуткий кочевник всё-таки её видел и, похоже, всегда. Но спрашивать она об этом побоялась. Вдруг он знал не обо всех её «подвигах».

Рада попыталась один раз сбежать, но кочевник без особых усилий её поймал, несмотря на невидимость, которую она набросила на себя заранее, и пригрозил, что перестанет водить по нужде в сторонку, а заставит делать дела в толпе ничего не подозревающих мужиков. Боясь быть разоблачённой, пленница бросила попытки освободиться и совсем отчаялась.

За двое суток Лисица почти не спала. Опасалась, что морок развеется, стоит ей крепко уснуть, и мужики поймут, что она девушка.

Иногда к решётке подходил вороной конь, когда позволяла длина привязи. Он тыкался мордой Раде в плечо и фыркал, подставлял нос для ласковых поглаживаний и поцелуев, коими одаривала его девушка, пока никто не видел. В конце она всегда давала ему несколько кусочков сушёных яблок. Хитрец быстро прожёвывал их и заходил с другой стороны. Тыкался во второе плечо, подставлял наглуую морду и опять просил лакомства, повторяя ритуал по-новому. Иногда Яснорада, не сдержавшись, тихо смеялась. Уж очень забавлял её этот серьёзный на вид плут!

К вечеру другого дня посреди пустоши показался город. Большой, с крепостной стеной и башнями, красный и необычный. Он высился вдалеке, будто оазис. Пока колонна приближалась к нему, Рада зажмуривалась несколько раз, не веря своим глазам. Неужели пустошь закончилась? А что ждало Лисицу дальше? Далеко ли до границы с Покровом Мрака?

Дойдя до стены, кочевники направили повозки вдоль неё и через какое-то время оказались с другой стороны города, не заходя в него. Сокамерники столпились спереди и принялись охать, ахать да причитать, чем вызвали у Яснорады безудержное любопытство. Она пыталась встать на носочки, подпрыгнуть или поднырнуть, но всё оказалось тщетно. Девушка ничего не видела, кроме широких мужских тылов.

Те, как назло, восторгались все громче да примешивали к аханьям матерок. Чем ближе подъезжала клетка, тем брань становилась забористее, давая понять Раде степень восхищения соотечественников. Не выдержав, Лисица рывкнула на них, чем сбила с толку.

— Разойдитесь! — чуть ли не взвизгнув, прокричала она в образе щуплого паренька. Мужики обернулись и, опасливо озираясь, попятились, пропуская разозлившегося курносого пацана. С самого начала он вызывал у народа подозрения своим неожиданным появлением посреди пустыни и тем, что его единственного сажали под замок. Рада прошла вперёд и увидела невероятную картину. На огромной ровной площади, словно рассыпанные цветные карамельки, стояли корабли-дирижабли и аэростаты. Яснорада знала названия этих летательных аппаратов — читала в одной книге о них. Но увидеть собственными глазами — полный восторг!

— Мать-Сотворительница! — выдохнула девушка.

Картина впечатляла. Некоторые дирижабли поднимались в воздух, какие-то приземлялись. А шары, подобно россыпи диковинных ягод, заполняли и небосвод, и красную землю.

Людей вокруг было видимо-невидимо. Повсюду сновали повозки со всевозможными грузами, начиная с дерева и заканчивая дикими животными в клетках.

Колонна остановилась возле огромного воздушного корабля, выглядевшего величественно и мрачно. Его необъятный продолговатый баллон тёмно-серого цвета был наполнен

горячим воздухом, а корпус сделан из чёрно-бордового морёного дерева. Через большой люк в хвостовой части, в который с лёгкостью проехала бы запряжённая тройкой телега, в корабль заносили грузы и поднимались мужчины. Вовсю кипела работа.

Все люди оказались необычной внешности. Очень смуглая кожа, почти коричневая, карие, чуть ли не чёрные, глаза и смоляные волосы отличали иноземцев от арданийцев.

— Кто они? — спросила негромко Рада.

— Ирдаванцы, — ответил чей-то голос, принадлежащий одному из столпившихся соотечественников.

— А это тогда кто? — Девушка указала на стоявшего в стороне воина в чёрном, одного из тех, что сопровождали их колонну от самой Юго-западной гряды.

— Так это ж эребранцы, — пояснил кто-то из клетки.

— Эребранцы? — шёпотом переспросила Рада. — Исчадия Мрака?

Мужик рядом с ней скривился в ухмылке и кивнул. Ему было забавно слышать такое сравнение о тех, кто дважды колотил его во время похода. Но девушка не оценила веселья собеседника.

Тело Яснорады снова отреагировало на страх — по рукам побежали колкие мурашки, глаза едва не вылезли из орбит, сердце затрепетало испуганной пичугой. Лисица смотрела на открывающего замок воина, того самого, которого огрела в пустоши ведром, и испытывала животный, душастый ужас, толкающий на безумства.

Все эребранцы — призраки! Арданийцев везут не на войну, а в логово, где выпьют их светлые души, оставив умирать в муках! И, несмотря на то что большую часть страшилок про призраков Мрака девушка выдумала самолично, на тот момент она уверовала во все эти истории.

— Мы обречены! — завопила Рада, хватаясь за сердце. — Спасайтесь! Слышите? Помогите!

Пленники-новобранцы подобрались и насторожились, а Яснорада изо всех сил толкнула недоумевающего эребранца в грудь и, выпрыгнув из клетки, понеслась.

Бежала, как не бегала никогда, а делала она это превосходно. Когда живёшь с четырьмя братьями, и не такому научишься!

Несколько раз Лисица налетала на прохожих, а одну небольшую повозку даже перемахнула. Девушка не думала, куда бежать, лишь бы подальше от исчадий. Оглядывалась и летела вперёд, не обращая внимания на ругательства, брошенные в её адрес пострадавшими. Пока из-за угла какого-то прямоугольного хлипкого сарая не вышел тот, кто пугал беглянку больше всех прочих.

Воин в чёрном спокойно перехватил Лисицу поперёк талии, отчего её ноги по инерции взлетели в воздух. Пленница приготовилась к жёсткому приземлению и уже думала, куда метнуться дальше после падения, но не упала. Жуткий эребранец развернул пойманную спиной к своей груди и зажал.

— Тсс! — усмирил он беглянку. — Спокойно! Куда собралась?

Рада ничего не ответила. Попыталась освободиться от захвата, хоть ей это и не удавалось, потому что она попросту висела на руке мужчины и трепыхалась, как набитая соломой кукла. Потом собралась и ударила пяткой по ноге воина, правда, целилась в пах. Затылком попала ему в скулу и ещё прокусила ладонь, когда он пытался усмирить ретивую. Но воин не выпустил девушку. Развернулся и грубо прижал её лицом к стене.

Через два мгновения Рада оказалась связана. Руки стянуты за спиной, лодыжки спутаны так, что длины верёвки хватало только на маленький шажок.

Лисицу очень удивила скорость, с которой приспешник Мрака скрутил её. На мгновение страх отступил, сменившись практическим любопытством, и она хотела разглядеть узлы, которыми её связали. Она изворачивалась, пытаясь рассмотреть путы на лодыжках и запястьях.

Пару раз чуть не упала, рискуя разбить нос, но враг грубо одёргивал её за шкурку, как нашкодившего кота.

В итоге Рада присмирела, видя пустое выражение лица мужчины, поймавшего её, и дёрнулась от неожиданности, когда тот негромко к ней обратился:

— Поправь морок.

Яснорада трянула головой, и на её грудь упала тяжёлая растрёпанная коса.

— Вот же брыдлый тартыга! — позволила себе выругаться Лисица.

А что? С мужиками поведёшься

Закрыла глаза и вновь превратилась для окружающих в паренька.

Назад идти Лисица устала. Удивилась расстоянию, которое в панике преодолела. Похоже, это был её рекорд.

Эребранец тоже торопился, оттого подталкивал добычу за шкурку, а под конец пронёс на весу и впихнул в руки такому же, как он, исчадию.

— Под замок. Путы снять только в клетке. Аарон, новобранец лягается и кусается, — сухо пояснил жуткий воин чуть менее жуткому.

Тот кивнул и мешком втощил Раду в темноту.

Глаза не сразу привыкли к такой перемене, и осмотреться Лисица смогла, только когда её развязали и закрыли в просторной клетке. Девушка порадовалась, что одна, правда, недолго. Вскоре в тюрьму запустили ещё человек двадцать. И ими оказались смуглые кареглазые ирдаванцы. На этот раз истинные.

Воздух быстро наполнился тяжёлым мужским запахом и утратил свежесть. Дышать стало тяжелее.

— Зачем закрываешь на замок? — спросил неприятным голосом один из них.

— Замок не для вас, — сухо пояснил Аарон.

После ответа воина все чёрные глаза кочевников уставились на щуплого рыжего паренька, притаившегося на скамье.

Глава 11

Пятьдесят ирдаванцев и столько же слабых арданийцев. Точнее, сорок девять плюс один сильный. Вернее — одна. И совершенно непонятно, как использовать её силу.

Паладин ещё никогда не имел дела с женщинами. Точнее, женщин он как раз таки имел! И любил это занятие! Помогало расслабиться и отвлечься ненадолго. Но использовать леди на войне ему не приходилось.

Впрочем, у этой и впрямь были все шансы продержаться дольше, чем у её наречённого. К слову, теперь уже бывшего. Дерзкая и шустрая. Она или не боялась ничего, или страх придавал ей огромную силу. И то и другое — превосходно для воина, для того, с кем одарённая встанет плечом к плечу на поле боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.